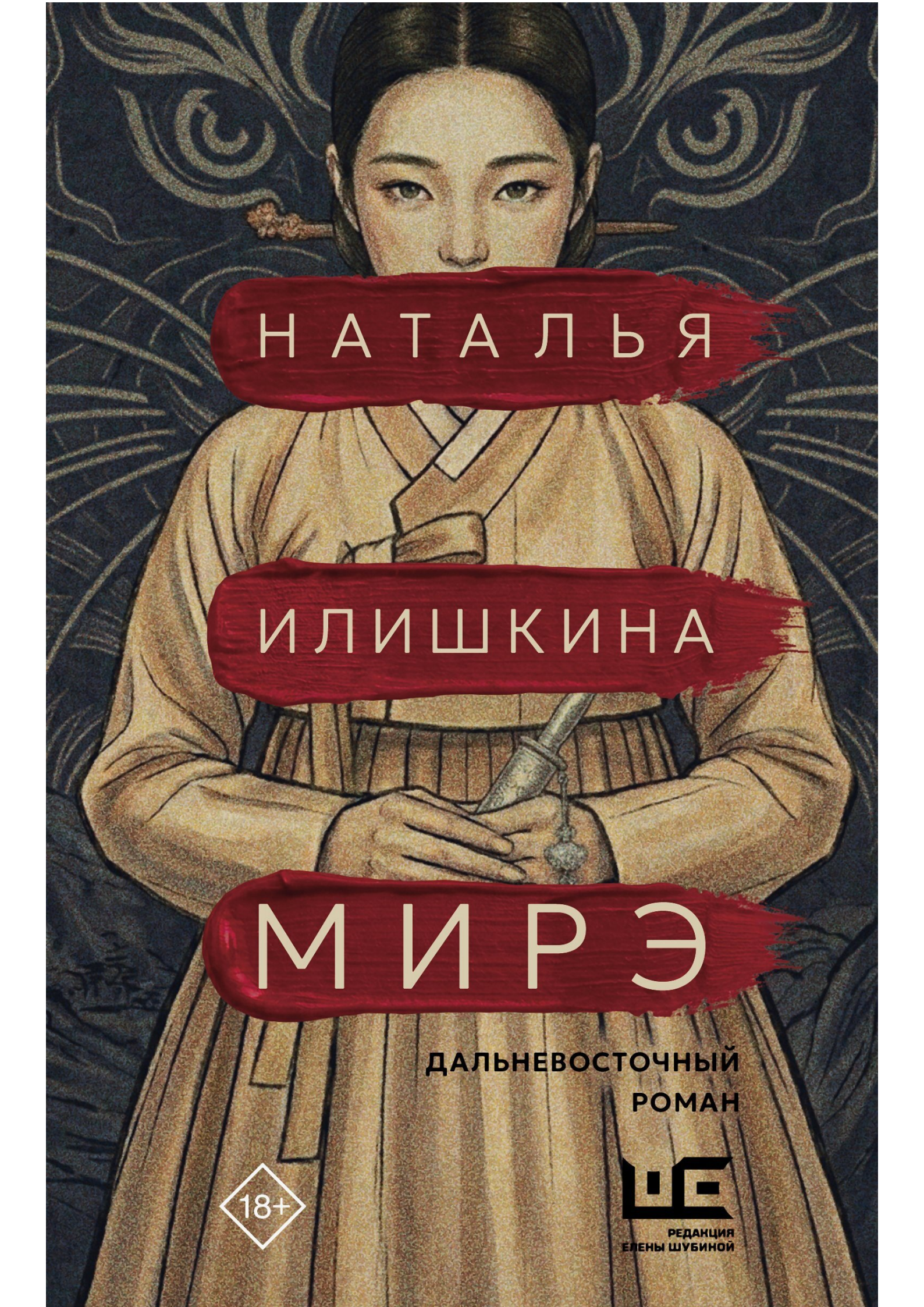

НАТАЛЬЯ

ИЛИШКИНА

МИРЭ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
РОМАН

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Наталья Илишкина

Мирэ

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Илишкина Н. Ю.

Мирэ / Н. Ю. Илишкина — «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-188969-2

Героиня новой книги Натальи Илишкиной, Мирэ, чье имя означает по-корейски «будущее», поклоняется любым магическим силам: духам предков и местности, Иисусу в его католическом и православном изводах, Богородице Марии, Антихристу Ленину, коллективному Политбюро и гениальному вождю товарищу Сталину. Она никак не может взять в толк, почему нужно выбирать одного и отказываться от всех прочих небесных покровителей. Мирэ готова идти вслед за мужем-революционером, председателем корейской секции союза безбожников, и отречься от всего, что объявляется вне закона, лишь бы только не снимать с шеи родовой амулет и два креста: католический и православный...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-188969-2

© Илишкина Н. Ю., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Илишкина

Мирэ. Дальневосточный роман

© Илишкина Н. Ю.

© Корсакова Е. М., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Наталья Илишкина – автор «степной саги» о донских калмыках «Улан Далай»; финалист премий «Ясная Поляна» и «Большая книга».

* * *

Это второе после романа «Улан Далай» художественное исследование Судьбы как феномена, который слагается из переплетенных судеб народа, семьи, личности. Хрупкость и сила этого переплетения показана через женский взгляд: главная героиня – не просто наблюдатель, а живой нерв повествования. Думаю, что корейцы, как и калмыки, оказались в центре внимания писателя неслучайно. Способность выстоять, сохранить свои традиции и дух в эпохальных катастрофах и драмах роднит два этих народа.

Владислав Отрошенко

Удивительно достоверно переданы мысли, чувства, верования и бытовые картины жизни корейцев в период массового их исхода из аннексированной японцами Кореи в Россию и дальнейшие перипетии их судеб на чужбине.

Я был удивлен, как совпал сюжет романа с тем, о чем рассказывали мне мои светлой памяти родители, которые испытали на себе все это.

Анатолий Ким

* * *

*Посвящается Ким Синай – матери двенадцати детей, в одиночку
воспитавшей шестерых, волею судьбы жившей в семи государствах и
счастливо дожившей до ста лет*

*Жить прошлым – значит обкрадывать настоящее, но забыть
прошлое – значит не иметь будущего.*

Глава 1

Мирэ уже встречалась с тигром. Глаза в глаза. Потому что в свои девять лет роста была совсем небольшого, не выше поднявшего в изумлении голову лежавшего зверя. Случилось это в год Деревянной Змеи¹, через три месяца, как от кровавого поноса умерли матушка и старший брат.

В тот день с утра, привязав к спине голосившую от голода малышку-сестру, Мирэ – нет, тогда ее звали просто Кхын Э, то есть старшая, – побежала по деревне, от дома к дому, умоляя кормящих грудью соседок сжалиться над несчастной сиротой и дать ей несколько глотков молока. Но ни одна соседка не расположена была приложить к своей груди сестричку Миок – тогда она была еще не Миок, а Чагын Э, младшая. Не потому что молока не было, а потому что день был занятой, предпраздничный, а все уже знали, что Миок так сжимала сосок прорезавшимися зубами, что кормилица вскрикивала; и даже когда Миок зажимали нос, чтобы оторвать от груди, она, сделав судорожный вдох, снова присасывалась, как пиявка, и не отпадала, пока не насыщалась.

Мирэ метнулась назад в свой двор. Старая фанза² словно тоже страдала от голода: куски глины отвалились, обнажив похожие на ребра перегородки из камыша. И хотя глава семьи Хан Бусик – плотник и не умер, а жив-здоров, подлатать свой дом у него нет ни времени, ни сил.

Мирэ подошла к летней печке, соскребла со стенок немытого котла присохшие комочки каши, положила в рот и, медленно жуя, вошла в дом. Развязав хабури³, положила сестренку на кан⁴, закинула в рот щепотку мака из заветного мешочка, пожевала еще немного, сплюнула нажеванное в тряпочку, завязала узелком и сунула в голодный рот сестры. Сама сглотнула слюну, внутри заурчало. Отец должен вернуться из города этим вечером, принести долгожданного риса, сушеной морской капусты и собачатины для целебного супа, который ели перед наступлением жары, чтобы не заболеть животом. Но до вечера нужно было еще дожить.

Завтра – Оволь Тано, праздник летнего солнцестояния: все будут веселые и щедрые, качаться на качелях, дарить друг другу веера и круглые, как колесо телеги, рисовые лепешки, а вот сегодня не до улыбок – соседи от мала до велика согнулись крючками в полях, спешат до праздника закончить посадку чумизы⁵. У одной лишь семьи Хан Бусик, к которой принадлежали Мирэ и Миок, земли нет ни в собственности, ни в аренде. Только крохотный огородик во дворе, отгороженный кольями от вездесущих соседских кур и свиней.

Пока жива была матушка, огород, хоть и малый, родил щедро. А Мирэ выращивать овощи не умеет, не успела научиться. Зато благодаря матушке она хорошо знает, как искать в лесу целебные травы и съедобные грибы, и прошлой осенью даже нашла небесный корень инсам⁶, и не какой-то там, а пятилистный. Корень был похож на человечка размером с кулачок. Отец тогда выпилил из бамбука особую коробочку, с молитвой поместил корень внутрь, обложил мхом, чтобы предохранить от порчи, а потом отнес в город и продал там лекарю. Мирэ принес в подарок красивую черепаховую заколку с перламутровыми цветами, а себе купил порцию опиума, остаток же денег скоро проиграл в карты и снова впрягся в работу.

¹ Речь идет о 1905 годе. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Фанза – дом с двускатной крышей из соломы, тростника и стенами из тростника, самана или кирпича, обычно в сельской местности.

³ Хабури – сложенная по диагонали простыня, большой платок или покрывало, используемые для ношения детей.

⁴ Кан – глиняная или кирпичная лежанка в корейском доме, одновременно и дымоход: внутри нее проходил теплый воздух от печи.

⁵ Чумиза (головчатое просо) – однолетнее зерновое и кормовое растение, распространенное в ряде стран Азии.

⁶ Инсам – корейский женьшень.

Но заколка – заколка сохранилась. Мирэ закрепляла ею волосы по праздникам. Она и завтра заколет, пусть до следующего месяца Тигра⁷, пока не закончится траур по усопшим⁸, ей нельзя ходить на праздники. Мирэ уверена: дух матушки не возражал бы, чтобы она пошла качаться на качелях. И дух старшего брата тоже – брат больше всех веселье любил. Мирэ хотела бы спросить об этом духов, но даже не знала, где родные могилы. Отец с другими мужчинами отнесли покойников куда-то на гору, а Мирэ идти с ними запретили...

Малышка Миок, насосавшись маковой кашицы, уже закрыла глаза, но тряпицу изо рта не выпускала. Мирэ, согнувшись, вновь водрузила сестренку на спину, привязала покрепче, взяла в одну руку корзинку, в другую – палку и вышла за ворота, подперев их чурбаком. Теперь самое время отправиться в лес посмотреть жимолость – вдруг уже созрела, собрать первые сизые ягоды, а потом обменять их у соседки на лепешки из чумизы и плоску кимчи⁹. Свои запасы доели еще в прошлом месяце, и пустые горшки из-под солений на заднем дворе ждали нового урожая.

Мирэ шла в лес одна впервые – многое приходится делать в первый раз, когда твоя матушка умерла. Мирэ и Миок еще повезло, что отец у них добрый. В соседней деревне, когда умерла мать семейства, отец запер маленьких дочерей в фанзе и поджег, а сам убежал в лес – девочек еле-еле соседи спасли. С мальчиком бы так не обошелся. А девочки – кому они нужны, кроме собственной матери? Корми их, одевай, обувай, а потом они другой семье достанутся, почти что задаром. «Подарки от жениха всех затрат никогда не окупают», – так сказал матушке отец, когда родилась Миок. Очень он был расстроен появлением второй дочери. Наверное, за это и наказали его духи: забрали единственного сына и жену тоже, а обеих дочерей оставили ему.

Идти одной в лес было страшновато – сердечко стучало, как толкушка в каменной ступке, в ушах словно пиликали цикады. Вообще-то Мирэ шла не одна, а с сестрой, но это еще хуже – с такой-то ношей за плечами.

На входе в деревню, лицом к горе и лесу, стояли деревянные Чхонхате чжангун – предводитель небесных сил, и Чихаё чжангун – предводительница подземного мира. Когда Мирэ была маленькой, очень их боялась: глаза похожи на яйца, того и гляди выкатятся, а частые зубы, острые, как зубья отцовской пилы, – укусят. Матушка ей объясняла, что так они отпугивают злых духов, чтобы не заходили в деревню, и каждый раз усердно им кланялась. Но духа болезни чжангуны отогнать не смогли – дух пришел и забрал кого захотел. А может, чжангуны с духом заодно, подозревала Мирэ и после смерти матушки больше не кланялась им, как раньше.

Вот и теперь она быстро прошла между ними, опустив голову, и только оберег – нефритовую бусину с дырочкой, – что висел на ее груди на кожаном шнурке, потрогала: на месте ли. Бусину эту она помнит, сколько помнит себя – матушка ей привязала. Может, она и спасла Мирэ от смертельной болезни. А у самой матушки и у брата такой бусины не было...

Дальше дорожка круто забирала вверх. Мирэ поневоле замедлила шаг – стало тяжело. Вдруг прямо перед носом затанцевала хвостиком-стрелкой голубая стрекоза. Мирэ остановилась, опустила наземь корзинку и протянула вперед ладонь.

– Стрекоза, стрекоза, сядь, отдохни, – зашептала с надеждой.

Загадала: если сядет, жимолость окажется спелой. Ведь стрекоза дарит удачу. А еще чудесные перемены. Может быть, отец выиграет в карты много монет, которые еще недавно назывались янгами, а теперь – вонами¹⁰. Да все равно, как они называются, только бы побольше.

⁷ 21 января – 20 февраля.

⁸ Если жена умерла при жизни мужа, семья соблюдает траур одиннадцать месяцев; по умершим детям – три месяца.

⁹ Кимчи – остро приправленная квашеная пекинская капуста, иногда другие овощи.

¹⁰ Янг – валюта в Корее с 1892 по 1902 год; вона введена в 1902 году и была в ходу до аннексии Кореи Японией в 1910-м.

И тогда они смогут каждый день есть белый рис, хоть он и не растет в их краях, снова заведут куриц и петуха, голышке Миок купят сорочий халат с пестрыми рукавами¹¹ – ведь скоро у нее первый день рождения, а Мирэ... У Мирэ было так много желаний!

Она пошевелила пальцами, привлекая внимание вестницы чудес. Ну же, ну! И голубая стрелка приземлилась прямо на кончик мизинца, как за стебелек, уцепилась всеми шестью лапками, сложила вместе испещренные прожилками четыре прозрачных крылышка и замерла, будто разглядывая грязь под ногтем Мирэ, а на самом деле видела своими огромными глазами все вокруг. Если теперь поймать стрекозу за хвост, то везение уже никуда не улетит! Мирэ осторожно выпустила из рук палку, тихо упавшую в траву, и медленно-медленно потянулась левой рукой к правой, поползла пальцами, как змея, снизу: от локтя к раскрытой ладонке. Но стрекоза была бдительной, подняла хвостик и, оттолкнувшись всеми лапками, взмахнула вдруг раскрывшимися крыльями, подскочила, и только ее и видели! «Эх! Ладно», – утешилась Мирэ, ведь стрекоза села ей на палец – значит, с пустой корзиной она не вернется.

Наклонилась за упавшей палкой, поднимая, зацепила концом за лиану лимонника, опутавшую ствол уже отцветшей черемухи, услышала, как визгливо заахала голубая сорока – видно, где-то рядом сидит на гнезде. Крик сороки – добрый знак. А сорочки яйца! Зеленые, крапчатые, теплые, вкусные! Рот тут же наполнился слюной. С малышкой за спиной Мирэ на дерево, конечно, не залезет, но вдруг удастся сбить гнездо палкой. Там может оказаться и пять, и восемь, и десять яиц!

И Мирэ шагнула с тропы.

Раздвигая палкой переплетенные ветви, подняла глаза, высматривая в листве темный комочек гнезда. Шаг, другой... И сквозь горько-терпкий черемуховый запах в нос Мирэ ударил тяжелый звериный смрад. Она перевела взгляд и прямо перед собой, не дальше чем в двух канах¹², увидела тигра – и замерла, словно столбы-чжангуны при входе в деревню. И тигр, подняв голову, увидел Мирэ и тоже замер.

Зверь был красивый, хотя матушка говорила Мирэ, что нет в лесу никого ужаснее тигра. Круглые глаза – большие нефритовые бусины со зрачками-дырочками – словно очерчены черной тушью. Щедрые полосы туши бежали по полосатой белой и желтой шерсти, а розовый нос казался нежным лепестком азалии. Он напомнил Мирэ веселого Тигрика, нарисованного на свитке, что висел в доме деревенской шаманки-мудан и, как на свитке, вроде бы тоже улыбался. Не хватало только длинной трубки, которую на рисунке зажигал для него слуга-заяц.

– Господин дух гор Хорани¹³, – отводя взгляд, прошептала Мирэ, – будьте справедливы и милостивы! Мы две голодные и тощие сироты. В нашем дворе нет даже собаки, чтобы пожертвовать вам¹⁴. Мы не будем разорять гнездо вашей подруги сороки¹⁵, клянемся! Позвольте нам уйти живыми и невредимыми.

И Мирэ стала медленно отступать назад, шаг за шагом, нащупывая землю ногами, обутыми в коноплиные сандалии, чтобы не споткнуться о корни и не упасть. Хотелось повернуться и пуститься наутек, но Мирэ помнила наказ матушки: никогда не поворачиваться к зверю спиной. Побежала она только тогда, когда оказалась на тропинке. Бросив корзинку и палку, мча-

¹¹ Сорочий халат (ккачхи турумаги) – халат с рукавами в разноцветную полоску. В старину ккачхи турумаги надевали на Новый год (*Солляль*).

¹² Кан – традиционная единица измерения, около 2 м.

¹³ Хорани – «тигр» по-корейски. В словаре ему будет соответствовать корейское слово «пом», однако его редко можно встретить в устной речи корейца. Чаще оно заменяется словом «хорани». Хо – корейское произношение китайского иероглифа «тигр», «ран» значит «молодой человек», – и – окончание, используемое для обозначения ребенка или близкого друга. Хорани – это образ, сложившийся веками в представлении корейского народа: несколько наивный полосато-пятнистый зверь с широкой улыбкой.

¹⁴ Собаки – любимая добыча тигров. Часто тигры делали набеги на деревни, нападая не на человека, не на домашний скот, а на собак – свое излюбленное лакомство.

¹⁵ Согласно представлениям корейцев, сорока – друг и помощник духа гор, воплощенного в тигре.

лась к деревне так быстро, как не бегала никогда. Остановилась лишь у столбов-чжангунов, шмякнулась на ослабевшие колени и, облизав пересохшие губы, попросила у предводителей прощения за непочтение.

Та давняя история разом вспомнилась Мирэ, когда лошадь, тащившая по мокрому снегу удивительную повозку на полозьях вместо колес, замедлила бег, принялась мотать головой, фыркать и ржать. Мирэ поняла: что-то не так. Возница – земляк из Хамгёндо, живущий в России дольше, чем Мирэ замужем, а замужем она уже семь лет, привстал, держа одной рукой вожжи, а другой – кнут. Глянул на бурелом у дороги, хлестнул лошадь по крупу, а потом стал громко кричать и щелкать кнутом в воздухе. Лошадь рванула вперед, Мирэ откинуло назад, опрокинуло на лежащий за спиной хабури. В нем – ее мертвый сын.

Краем глаза Мирэ увидела, как из-за завалов бурелома, выгнувшись дугой, вылетает полосатый зверь. Она зажмурилась, прощаясь с жизнью, невольно обняла себя за плечи, уткнулась подбородком в грудь. Тигр ее просто раздавит. И не будет могилы ни у нее, ни у ее сына. Станут неприкаянными духами.

Но зверь промахнулся. Приземлился позади телеги, издал досадливый яростный рык такой силы, что он гудением отозвался в груди Мирэ. Она порывисто села, мельком оглянулась. Тигр готовился к новому прыжку. Мирэ завопила пронзительно, как сойка, у самой в ушах зазвенело...

Тигриний слух не выносит высоких звуков. Но этот и ухом не повел. «Наверное, это тигрица и охотится ради пищи для детенышей, – пронеслось в голове Мирэ. – Если так, она не отстанет. Настигнет телегу в три прыжка. Или в пять...»

Встав на колени, Мирэ схватила смерзшийся хабури с мертвым ребенком и кинула в сторону зверя.

– Госпожа супруга духа гор Хорани, дочь великого Юнвана, и великий дух Тигра, возьмите моего мертвого сына! Госпожа Самсын-хальмони¹⁶, пошлите мне в чрево живого! – закричала Мирэ. – Я согласна служить вам всю жизнь!

И будто деревянным молотком ударили ее в темя. Словно дырочку в голове пробили, и сквозь нее полилось что-то серебристо-прохладное, превращаясь в теплые лопающиеся пузыри. Потекло по плечам, в руки и в грудь. Зрение вдруг стало острым, а мир вокруг – восхитительно ярким. Небо переливалось всеми цветами радуги. Мирэ видела каждый волосок на морде тигрицы. Одним прыжком оказавшись возле подношения, та обнюхала его, бережно взяла в пасть и исчезла в лесу. А Мирэ еще долго стояла на коленях, спиной к вознице и лошади, держась за края повозки, и голова у нее кружилась, как после чашки макколи¹⁷. Небо не гасло.

За семь лет брака Мирэ рожала трижды. Две девочки родились живыми, но ни одна не дотянула до года. Муж ее ни за рождение дочерей, ни за их смерть не корил – добрый муж! И сестру ее младшую, Миок, принял на содержание – такое условие поставил отец, выдавая четырнадцатилетнюю Мирэ за старого, а значит, умного, двадцатитрехлетнего учителя, к тому же обладателя надежного китайского паспорта. Подарков будущему зятю Хан Бусик не делал. Зато муж сделал великий подарок молодой жене и ее младшей сестре – дал им имена. Жену нарек Мирэ, что значит «будущее», а ее сестру – Миок, «маленькая драгоценность». А поскольку учитель принял католическую веру и наречен Эмилем, Мирэ тоже крестилась, чтобы вступить с ним в брак. Священник-француз нарек ее именем Эмили. Так Мирэ полу-

¹⁶ Дочь Юнвана – богиня подземного мира, опекающая дух умерших младенцев. Самсын-хальмони – богиня жизни, покровительница беременных и новорожденных.

¹⁷ Макколи – корейская рисовая брага крепостью 6,5–7 градусов.

чила второе имя. Священник объяснил, что оно означает «ревностная последовательница». Чья именно, Мирэ не стала уточнять – раз у них с мужем одно имя на двоих, то все понятно: за кем следует муж, за тем – и жена.

Но и Христова вера не может защитить семью революционера от японских карателей. Даже в Кандо¹⁸, на территории Китая. И тогда муж бежал в Россию, а Мирэ осталась с родственниками мужа – старшим братом и его женой, потому что была на сносях и по всем признакам ждала сына. Мальчик родился зимой, крепенький и горластый, чуть что не нравилось – сразу в крик.

Как только миновали большие холода, муж прислал Мирэ с человеком записку, вызывал к себе. Посланец помог ей добраться через горы до реки Туманган, на другой стороне ее ждала повозка. Но саму реку Мирэ предстояло пересечь без провожатых и ночью.

Мирэ дала малышу нажеванного мака, чтобы тот заснул, привязала его покрепче к спине, поднесла дары духам местности, щедро побрызгав соджу¹⁹ во все стороны из бутылки-тыквы, обмахнула себя рукой, как научил француз-священник, водрузила на голову узел с пожитками и, придерживая одной рукой узел, а в другую взяв шест, пошла на огонек костра, разведенного на русской стороне реки.

Она почти достигла берега, когда провалилась в полынью. Она не знала, что такое бывает, что среди крепкого льда вдруг образуется незамерзающая щель из-за быстро текущей воды. Она все время смотрела на огонек, а не под ноги, очень устала и даже не поняла, как, шагнув, вдруг оказалась по грудь в воде. Поклажа свалилась с головы, узел тут же утянуло на дно течением, и, если бы не шест, воткнувшийся в придонный ил, Мирэ и саму бы унесло, затянуло под лед.

Мирэ закричала что было сил, зовя на помощь и пытаясь выбраться из полыньи. Но зацепиться было не за что – подмытый лед трескался и ломался. Ждавший ее проводник еле успел доползти до края промоины, протянул Мирэ свою жердину, выволок на твердь. Но ее мальчик... Малыш, видно, ударился затылком о ледяной край, да еще и хлебнул воды. Когда у костра Мирэ трясущимися руками отвязала хабури, мальчик уже не дышал.

У Мирэ все застыло и снаружи, и внутри. И чувства все тоже застыли. Она в тот миг хотела только согреться. А еще хотела жить дальше. И чтобы женская часть ее не отмерзла и могла снова рожать. Ей нужно родить мужу нового сына. Обязательно сына.

Проводник дал ей выпить крепкой прозрачной настойки, от которой все в груди Мирэ загорелось, из глаз и из носа потекли слезы, а потом раздел и завернул в огромный кожаный халат, подбитый пушистым мехом. И Мирэ, размякнув под действием настойки, не боялась проводника и не стыдилась. Утекающим зрением едва разглядела, что вещи ее развешены на рогатинах у костра, и провалилась в сон, как в полынью. И так же быстро ее стало уносить. Вот только не было во сне у нее шеста, чтобы удержаться на месте, и унесло ее далеко. Не просто далеко, а в далекие времена.

Она увидела себя в огромном доме, разукрашенном золоченой резьбой, и поняла, что это дворец. Она увидела короля в желтом шелковом халате с вышитыми на спине драконами, склонившегося над новорожденной девочкой. На плече у девочки была родинка в форме сердечка. Такая же, как у самой Мирэ, да только во дворце она никогда не бывала и не будет, дочери плотника о таком нельзя даже мечтать. Мирэ с ужасом видела, как лицо короля налилось великим гневом, а глаза выпучились, как у чжангунов при входе в деревню. Распрямившись, он хлопнул в ладоши так сильно, что новорожденная испугалась и зашлась криком. Это еще больше разгневало короля. На хлопок сбежались придворные и слуги. Комната сразу заполнилась, как дупло пчелами, зажужжала. Повитуха, державшая девочку на вытянутых руках, рухнула на колени,

¹⁸ Кандо – территория северо-восточного Китая, традиционно заселенная корейцами.

¹⁹ Соджу – традиционный корейский алкогольный напиток крепостью от 13 до 45 градусов.

прижимая голосившую малышку к груди, наклонила голову, закрывая девочку от почти видимых искр отцовского гнева. Но слуги отобрали у повитухи малютку и, завернув в стеганое одеяльце, положили в нефритовый сундучок.

– Это же принцесса Пари²⁰! – ахнула Мирэ. – Брошенка, вернувшаяся из мира мертвых, чтобы воскресить своих родителей. Первая шаманка!

Нефритовый сундучок слуги потащили к реке и бросили в воду, подняв тучу брызг. Но сундучок, хоть и каменный, не потонул, а поплыл, поплыл, удаляясь от Мирэ, пока не превратился в малюсенькую точку...

Мирэ очнулась от забытья. Что это было? К чему этот сон? Неужели духи указывают ей ее судьбу? Нет, нет, она не может стать шаманкой. Она замужняя женщина, ее долг – быть верной женой и нарожать сыновей. Все это видение – от настойки, решила Мирэ. Неизвестно, чем таким ее напоили. Она нащупала на груди и поцеловала деревянный крестик, который, по уверениям священника, должен защитить ее от любых духов.

Свет уже забелил зимнее небо. Кое-как натянув подкопченную дымом влажную одежду, Мирэ выхлебала три чашки травяного чая из железного котелка над затухавшим костром, пытаясь согреться, но зубы все равно стучали, стылая сырость лезла под одежду.

Лошадь стояла уже запряженная. Проводник предложил закопать тельце мальчика в снег, но Мирэ решительно отказалась. Она привезет малыша к мужу, пусть увидит, что его жена способна рожать мальчиков. Муж похоронит сына по обычаю. Он уже хоронил двух девочек, знал, как это делать.

Но сына до мужа Мирэ все-таки не довезла. Своими руками отдала тигрице. Духи местности велели оставить малыша в лесу. Так распорядилась судьба.

²⁰ Принцесса Пари (Брошенка) – героиня корейского эпоса, первая шаманка, получившая способность перемещаться между миром живых и миром мертвых.

Глава 2

И с мужем Мирэ не встретилась. Когда добрались с проводником до Хэсамви²¹, на постоялом дворе дядюшки Ли им сообщили, что муж уехал старшим группы корейцев далеко-далеко валить деревья, а ей велел дожидаться его тут. Дядюшка Ли передал Мирэ деньги, оставленные мужем при отъезде. Их должно было хватить на три месяца.

Пока ехали по городу, Мирэ то и дело открывала рот, спохватывалась, прикрывала ладонью – до сих пор она не видела ничего подобного. Диковинные высоченные дома из камня, раскрашенные в разные цвета, нарядные, как рукава сорочьего халата, были утыканы со всех сторон окнами, как арбуз семечками. Можно было подумать, что в этом городе живут десятки королей сразу. Только земли у них совсем мало, выстроили дворцы вплотную, бок о бок, – в родной деревне Мирэ промежутки между фанзами и то были больше. А маленькие дома, что теснились вдоль улицы, те и вовсе прилипли друг к другу, как кусочки не обвалянного в фасолевой обсыпке клейкого риса. Крыши у всех домов треугольником, словно они небо разрезать хотят. И стояли они широкой стороной вдоль наклонной улицы, а не поперек склона, как в Корее. Сама же улица такого размаха, не то что две – четыре повозки разъедутся и друг друга не заденут.

Китайцев и корейцев, попадавших на улице, Мирэ опознавала сразу, хоть и одеты они были дико – в мохнатые шапки и темные толстые стеганки. А те, кто побогаче, – в черные шерстяные халаты с меховыми воротниками, застегнутыми на золотые пуговицы в два ряда. Русские же ее сильно напугали – великаны с огромными, прозрачными, как вода, глазами и носами, выпирающими, как обломанные сучки на стволе дерева. Кто – в хлипком рванье, кто – по-военному, в формах, очень похожих на те, что носили японцы в Корее и Китае, некоторые – в такой же одежде, как на здешних богатых корейцах. Женщины все в темных теплых халатах на пуговицах, сужающихся к талии, – неподходящая одежда, если беременна, рассудила Мирэ. Увидела русскую с младенцем: та несла сверток, обняв его двумя руками. Да так же спина заболит! Мирэ и не подумала бы, что в свертке ребенок, если б он не кричал.

Груди ее, в которых так внезапно перестал нуждаться малыш, вспухли и окаменели. Перетянуть их было нечем – все вещи унесла река. А при крике младенца Мирэ почувствовала, как закапало из сосков молоко. Решила, что пойдет в кормилицы, – вспомнила, как сама в детстве бегала с грудничком-сестренкой по соседкам. Благодарение духам предков и богу Есу²², перед самым отъездом из Китая удалось выдать тринадцатилетнюю Миок замуж в крестьянскую семью. Муж Миок был, правда, моложе и не способен еще к деторождению, но семье не хватало рабочих рук, а Миок отличалась завидным трудолюбием.

Вид Корейской слободы Мирэ поразил. Она даже сначала подумала, что ослышалась, когда возница, обернувшись через плечо, произнес: «Синханджон»²³, – и указал кнутом вперед, где в распадке виднелись разномастные большие и маленькие дома и домишки, которых с деревенскими фанзами роднила разве что высота труб, торчавших над крышами. Поэтому Мирэ переспросила:

– Синханджон?

Возница кивнул.

Телегу на подворье вышли встречать хозяин и хозяйка. Дядюшка Ли остался помочь вознице с грузом, а тетюшка Ли через дверь, выходившую прямо на улицу, провела Мирэ в помещение, похожее на... да ни на что не похожее из того, что видела Мирэ в жизни. Стены из полу-

²¹ Хэсамви – так корейцы называли Владивосток.

²² Есу – Иисус.

²³ Синханджон – Новая корейская слобода.

круглых бревен, толстенные, потолок из пиленных досок – ее отец мастерил из таких мебель, – в окнах – стекла, а не вошенная бумага, столы большие, скамейки высокие, на несколько человек, – словом, всё не так. За одним столом, подогнув под себя ноги и шумно всасывая лапшу, сидели на лавке два корейских торговца, за другим – русский солдат, и видно, что пьяный, потому что прозрачная бутыл с мутной жидкостью, стоявшая перед ним, была почти пуста, а корявые пальцы пытались ухватить за край медную плошку, но соскальзывали.

Мирэ привычно отвернулась к стене, как положено женщине при посторонних мужчинах, и сняла тулуп – так назывался меховой халат, что надел на Мирэ проводник. Его надо было вернуть хозяину. Под коротенькой, как у всех матерей, родивших сына, кофточкой-занавеской чогори обозначились нагрубевшие, воспалившиеся соски.

– Аигу!²⁴ – воскликнула тетушка Ли. – А где мальчик?

– Он умер, – коротко ответила Мирэ.

Тетушка Ли скорбно вздохнула, забормотала что-то себе под нос. Голос плыл, растягивался, как в молитве, которой обучал Мирэ французский священник, но немножко по-другому. Отбормотав, тетушка Ли задала вопрос, который задают все корейцы вместо приветствия: сыта ли она. Мирэ вежливо ответила, что уже ела сегодня, хоть ничего и не ела, а только пила чай.

В комнате что-то гроыхнуло и разбилось – Мирэ невольно обернулась на шум. Это у солдата свалилась на пол бутылка.

Солдат поднял голову и уставился на вошедших женщин. Глаза его расширились, он облизнул сухие губы, привстал и часто задышал, не в силах отвести взгляд от сосков Мирэ. Лицо солдата было густо усеяно рыжими пятнышками, короткие, будто вставшие дыбом волосы, поймавшие из окна отблеск закатного солнца, полыхнули огнем. Мирэ словно молнией ударило: тигр, настоящий тигр!

Тетушка Ли схватила Мирэ за руку и потащила в кладовку, где хранились припасы.

– Русские, как медведи, – шепнула тетушка Ли. – От них всего можно ожидать. Особенно от пьяных. Грудь кормящей, что ли, никогда не видал? Вскочил, будто ему лоно показали...

– Откуда он здесь? – вопрос сам сорвался у Мирэ с языка.

– Китайский ханшин²⁵ дешевле водки. И вдвое пьянее. Завтра выпьет натошак стакан воды – и опять целый день пьяный. Заходят к нам русские, которые в слободе живут, и пришлые тоже. Кто горе залить, кто радость разделить, кто скуку развеять. И нам выгодно, и им не накладно. Но важно вовремя выпроводить – пока у них злость наружу не выскочила. Когда русский сильно пьяный, очень злой. Как раненый тигр!

– Вы тоже заметили, что он на тигра похож? – поразилась Мирэ.

– Медноволосых здесь много! – накладывая кимчи из горшка в миску, закивала тетушка Ли. – Но сами русские таких не любят. Считают их обманщиками и оборотнями.

– Оскорбляют тигров?!

– Считают их не за тигров, за лис считают. С такими надо осторожно. Могут и в полицию донести, что мы потихоньку ханшином торгуем. Вы пока посидите здесь, дам ему кимчи, перец мозги прочистит. Потом мой хозяин его выпроводит, я вас выпущу и на женскую половину отведу. Будете со мной жить. Остальные комнаты у нас гостями-мужчинами заняты. – И тетушка Ли вышла, закрыв за собой дверь.

Мирэ села на скамеечку возле крохотного оконца и приготовилась ждать. Очень хотелось есть, от запаха квашеных овощей прямо слюнки текли. Тело все еще покачивалось в такт движению повозки, глаза закрывались...

Вдруг мягкая тяжесть на плечах и пронзительная боль в груди заставили ее вскрикнуть и открыть глаза. Сидя на задних лапах, словно кот, а передние положив Мирэ на плечи и вывер-

²⁴ Аигу! – корейское выражение удивления, сожаления или сочувствия.

²⁵ Традиционный китайский крепкий алкогольный напиток (обычно из чумизы).

нув морду набок, к левой груди присосался тигр и довольно урчал. Высосал левую грудь, потом правую и, мягко толкнув, повалил Мирэ в проход между горшками с кимчи. Мирэ поняла, что сейчас тигр овладеет ею и что лоно ее, пронзенное тянущей сладостной болью, к этому готово и на это согласо.

И только тут Мирэ осознала, что перед ней дух гор Хорани и если он в нее войдет, то станет ее хозяином. Она будет принадлежать духу, потому что за свое спасение обещала служить ему всю жизнь. А она должна родить мужу сына, как же иначе отблагодарить его за добро и заботу о ней и ее младшей сестре? И ведь мужу уже исполнилось тридцать, а у него до сих пор нет детей.

– Господин дух гор Хорани! У меня есть долг перед мужем! Позвольте мне остаться верной женой и родить ему наследника! – взмолилась Мирэ.

Дверь кладовки надсадно завизжала и распахнулась, дух Тигра в тот же миг растворился в потоке света. В проеме двери стояла тетушка Ли.

– Почему кричите? – громким шепотом спросила она.

– Сон приснился, – извиняющимся тоном пробормотала Мирэ. – Простите меня. – И принялась суетливо поправлять задравшийся подол юбки.

Тетушка Ли мелко замахала собранными щепотью пальцами, сверху вниз, слева направо, как махал на Мирэ рукой пастор из Ёнгиль²⁶. А потом обмахнула себя, но уже справа налево и, достав из-под кофточки медный крест на шнурке, поцеловала его.

– У нас тут бывает, что духи залетают полакомиться, – призналась тетушка Ли. – Хочу кресты над дверью и окном нарисовать. А то по утрам замечаю, как будто меньше риса в кулях и кимчи в горшках, чем было с вечера. Даже черточками отмечала. И ведь точно: меньше!

Мирэ вспомнила, что на ней тоже есть крест, и стала шарить рукой по груди. Нефритовая бусина, что привязала в детстве ей на шею мать, была на месте, а креста не нащупала. Может, в пути шнурок развязался и крест соскользнул?! Или это дух Тигра с нее снял?

– Отец Басили²⁷ говорит, что через крест голодные духи не пройдут, – сообщила тетушка Ли.

– Чей отец? – не поняла Мирэ.

– Ничей. Нет у него детей. Главный шаман здесь. С богом Есу говорить может. Сильный шаман. У него на лице растёт больше волос, чем у любого корейца на голове. И на голове тоже много. Он их не заплетает: торчат во все стороны из-под шляпы без полей. А от мужчин наших потребовал косы отрезать. Видно, чтобы с богом Есу напрямую не разговаривали, а только через него.

– И что? Отрезали? – ужаснулась Мирэ. Мужчина без косы – это унижительнее, чем без штанов.

– А что было делать? – вздохнула тетушка Ли. – Чтобы получить русский паспорт, надо трижды в речку окунуться и крест получить. А мужчинам с косой отец Басили крест одевать отказывался.

– На нас с мужем тоже кресты надели в Кандо. Но косу ему оставили, – призналась Мирэ.

– Вас там к другому богу обратили.

– Тоже Есу молились.

– Того Есу здесь не признают. Ваш муж как сюда приехал, косу отрезал. Отец ему правильный крест одел, запись в толстой книге сделал и бумагу для полиции написал. Знаете, как зовут теперь вашего мужа?

Мирэ оторопело покачала головой.

²⁶ Ёнгиль, Енки или Ендзы – город в провинции Кирич (Китай), ранее историческая провинция Кандо, активно заселявшаяся корейцами в начале XX века.

²⁷ Басили – Василий. В корейском языке нет звука «в».

– Ким Мат-беи Иба-но-бичи²⁸.

– Такое длинное имя! – поразилась Мирэ. – Как запомнить?

– Можно кратко: Ким Мат Беи.

Из зала послышался вежливый, словно воркование голубя, голос дядюшки Ли. Он, похоже, уговаривал русского солдата уйти. Тетушка Ли прислушалась, вздохнула.

– Противится солдат, – пояснила она Мирэ. – Не хочет уходить. Ругает ханшин. Говорит, что дерьмо и пахнет дерьмом. А зачем тогда покупал? Зачем целую бутылку выпил? Пил – молчал. Теперь грязные слова говорит.

Мирэ еще раз пошарила по груди, огляделась вокруг. Креста нигде не было. Стало тревожно. Без креста тигр вернется и овладеет ею.

– Мне тоже нужно к отцу Васили. Мой крест потерялся в дороге.

– Аигу! Как плохо! Но сейчас нельзя. Началось великое воздержание перед весенним воскресением Есу. Еще тридцать пять дней. Отец Васили сейчас только молится.

– Мне без креста никак, в меня дух войти хочет, – призналась Мирэ.

Тетушка Ли опять принялась махать правой рукой: обмахнула себя, Мирэ, все углы в кладовке.

– Надо перед доской матери Есу попросить защиты. Она добрая. Она детей дает. Ее сразу про все просить можно. И подношений ей делать не надо. Только огонек перед доской зажечь, чтобы она лицо ваше увидела. Она все даст, если очень старательно попросить.

– А где такая доска? – встрепенулась Мирэ.

– У меня в задней комнате есть. Сейчас мой хозяин солдата выпроводит, я проведу.

Тетушка Ли приоткрыла дверь, прислушалась, заволновалась.

– Ой, плохо, плохо! Солдат отказывается уходить, пока вас снова не увидит. Говорит, что вы японская кисэн²⁹, что мы вас украли и держим здесь насильно.

– Неужели я похожа на кисэн? – поразилась Мирэ.

– Не похожи, – успокоила ее тетушка Ли. – У японских кисэн и одежда совсем другая, и лица выбелены, и рты накрашены, и волосы стоят дыбом, как открытая раковина морского гребешка. У солдата грязное дело на уме.

И Мирэ знала какое.

– Аигу, грозитесь полицию позвать! – заметалась тетушка Ли по кладовке. – Полезайте-ка вон в тот угол. Я вас пустым кулем прикрою!

Куль изнутри пах пылью и лежалой чумизой. Вместо голодного жжения пришла тошнота. Мирэ слышала, как дверь скрипнула и тихо закрылась за тетушкой Ли. Перед глазами поплыли круги, Мирэ ощутила, что дух гор снова рядом. Стала читать заклинание, которому научил французский пастор, обращаясь к отцу Есу за защитой, и, дотянув руку до груди, принялась мелко-мелко креститься. Все тело дрожало, и куль на Мирэ дрожал. Зубы стучали, язык не слушался, да и из всего заклинания Мирэ вспомнила только начало и конец. Их она и соединила.

– Отец наш небесный, славится имя ваше! Не вводите нас в искушение, защитите нас от зла! Да будет так. Амен!

Произнесла и ужаснулась. Получается, что она назвала духа гор злом. Но ведь это не так. Дух гор – великая сила, неподвластная человеку, и с любым может сделать все, что захочет. И доброе, и недоброе. А небесный отец Есу? Он ведь тоже может и любить, как любят своих детей добрые матери, и наказать, если пойти против его законов. Листок с законами, написанными на хангыль³⁰, пастор дал Мирэ с собой, благо муж научил ее женской азбуке. Мирэ поняла в

²⁸ Матбеи Ибановичи – Матвей Иванович (*искаж.*).

²⁹ Кисэн – то же, что гейша в Японии.

³⁰ Хангыль – корейская звуковая система письменности, долгое время считавшаяся «народной», «женской», «детской», противоположность ханмуну – корейскому варианту китайской письменности, использовавшемуся в Корее как официальная письменность вплоть до начала XX века.

законах не всё, но поняла главное. Нужно почитать родителей, не убивать, не спать с чужим мужем, не красть, не клеветать, не желать чужого. Но самое первое – не обращаться к другим богам. Значит, обращаться к Небесному императору³¹, к богине жизни Самсын-хальмони, к Семи богам Великой Медведицы³² и даже к богам – хранителям дома³³ нельзя! А к духам? В том листке ничего не сказано про духов! Можно или нет?

В голове пронеслись слова тетушки Ли, что Есу, к которому Мирэ обратили в Кандо, над русской землей не властвует. Здесь другой Есу! А дух гор, получается, один – и там, и здесь!

А может, русский Есу – брат того Есу, к которому ее обратили? Может, отец у них все-таки один? Может, ее мольба будет услышана? Но как попросить так, чтобы не оскорбить духа гор?

В минуты опасности голова соображает быстро. И Мирэ придумала:

– Отец наш небесный, славится имя ваше! Позвольте мне сохранить тело для моего мужа! Да не овладеет мною никто из уважаемых духов, высших или низших, добрых или злых! Да будет так! Амен!

Мирэ слышала, как надсадно ругался пьяный солдат, как булькавшими ручейками непонятных слов увещевали его хозяин и хозяйка. Жесткая пенька куля царапала лицо. Ноги онемели. Снова стал жечь желудок. Шершавый, как пористый камень, язык едва шевелился во рту.

– Да не овладеет... мною... медноволосый... солдат... Отец наш небесный... спасите и сохраните! Амен!

Хлопнула входная дверь. Все стихло. Мирэ облизала сухие губы, выплюнула попавшую в рот ворсинку. А потом послышался голос дядюшки Ли, вовсе не ворковавший, а проклинавший:

– Носатый³⁴ сукин сын! Пусть ханшин встанет тебе поперек горла! Пусть твое лицо почернеет! Пусть у тебя отнимутся ноги и ты никогда больше не переступишь порог нашего дома!

– Аигу! Не надо так расстраиваться, хозяин! Заболеете! – увещевал голос тетушки Ли.

Но дядюшка Ли, гремя посудой, продолжал поносить солдата.

– Чтоб он заболел дурной болезнью! Чтоб у него отвалился перец³⁵! Почему русские в прошлой войне японцам проиграли? Потому что все военные секреты выбалтывали одноногим³⁶ красоткам!

Тетушка Ли зашла в кладовку, держа в дрожащей руке керосиновую лампу, стянула с Мирэ колкий мешок.

– Вылезайте, – разрешила она. И расстроенно добавила: – Чтобы солдат не вызывал полицию, пришлось дать ему в три раза больше, чем он заплатил за ханшин. Добился своего! Купит себе на вечер караюки-сан в Доме цветов.

Мирэ знала, кто такие караюки-сан. В городе Ёнгиль, откуда бежали они с мужем, эти утешительницы мужского одиночества появились вместе с японскими военными. Днем они выходили на прогулку целыми группами и ходили уточками туда-сюда по главной улице под зонтиками, торжественно выставляя из-под полы халата маленькие ноги, обутые в белые носки. Они шагали на высоких дощечках, скашивая ступни внутрь, чтобы полы халата не распахивались.

³¹ Небесный император – Верховный правитель небес в корейской мифологии, также называемый Хануэльнимом, Хванином, Чхонвангом, Чхондживангом (все означают «Небесный Правитель»).

³² Семь богов Великой Медведицы – одни из наиболее почитаемых богов корейцев.

³³ К богам – хранителям дома относятся бог-предок Чосонг, бог – хозяин дома Сонгчжу, бог огня Чованг, бог участка Точжу, бог богатства Об, бог складских помещений Чхэсук, бог туалета Чуданг и бог врат Сумунджанг.

³⁴ Белых людей корейцы называют «кчхчжени» – «носатый».

³⁵ В корейском языке «перец» и «пенис» звучат одинаково.

³⁶ Одноногий (ччокпари) – насмешка над традиционной японской обувью гэта, надев которую, по мнению корейцев, японцы шагали, как одноногие.

вались при ходьбе. Ногу из-под халата всегда было видно только одну, за это их и прозвали одноногими. Но Мирэ не могла представить, чтобы в свободном русском городе тоже работали японские кисэн.

Мирэ оправила одежду и, прикрыв грудь концами головного платка, выглянула из двери в большую комнату. Никого из гостей там уже не было.

– Простите, что создала вам такие трудности и ввела вас в расходы, – извинилась Мирэ, кланяясь дядюшке Ли. – Я оплачу вам разницу.

Хозяева виду не показали, но предложением были довольны.

– Извините, что ничем особенным не могу угостить вас, – как положено, извинилась и тетушка Ли, подавая Мирэ плошку с лапшой и расставляя аппетитные закуски. – Кушайте!

– Поем с удовольствием! – пообещала, тоже как положено по обычаю, Мирэ и принялась шумно всасывать лапшу и причмокивать, чтобы доставить приятность хозяевам. Но и в самом деле, давно не доводилось ей есть пшеничную лапшу. И сидеть на высокой скамейке, свесив ноги до пола, было удобно – животу свободнее, чем за низеньким корейским столиком.

Она управилась с едой раньше, чем усталые постояльцы стали заполнять переднюю комнату, возвращаясь с работы. Но даже в самую дальнюю комнату, куда отправила Мирэ тетушка Ли, долетал запах рыбы, и Мирэ поняла, что постояльцы работают в порту. А потом едкий запах табака перебил и запах рыбы, и запахи чеснока, сои и перца, которыми сдабривали еду. Это насытившиеся мужчины закурили свои длинные трубки.

Подобрав ноги, Мирэ сидела на тюфяке и неотрывно смотрела на доску, висевшую в дальнем от входа правом углу комнаты. На доске была нарисована усталая мать Есу с набрякшими мешками под большими, как у коровы, скорбными глазами. Она держала на руке младенца с лицом старика и морщинами на лбу. Мать живого бога, которому пришлось так тяжело мучиться перед смертью, искупая перед породившим его отцом все злые дела людей, казалось, предвидела страшные испытания, предстоящие ее малышу. Нет, Мирэ для своего сына страданий не хотела. И она решила, что о ребенке будет просить победительницу духа оспы Сам-сын-хальмони, хоть заповеди небесного отца Есу и запрещают ей это делать. А у матери Есу попросит только защиты. Хотя как может защитить ее земная женщина, которая даже своего единственного сына уберечь от мук не смогла?

Мысли в голове Мирэ мешались и путались, а в сердце снова пробралась тревога. Вправду ли так силен Есу и его родители, чтобы защитить всех, кто носит крест? В заповедях говорится только про отца Есу, а про самого Есу и его мать ни слова. Может, им и поклоняться нельзя? Ночью Мирэ не смогла даже заснуть от страха – боялась, что во сне, пока она без креста, в нее войдет дух гор. Валик из шелухи то и дело шуршал под ее головой, не давая спать и тетушке Ли.

Утром, еще до света, тетушка Ли поднялась, открыла стоявший у стены ящик, достала огромный теплый платок размером с одеяло – накрыть Мирэ голову. На ноги поверх посон³⁷ велела надеть странную обувь – овальные лаковые шкатулки, черные снаружи, красные внутри. Сказала, что в них ноги не промокнут. А потом повела к отцу Башили.

Шли они долго: вдоль моря сначала под горку, потом в гору. В новой обуви идти по рыхлому снегу было легко, и лишь на затоптанных тропинках ноги порой скользили.

Незаметно стало светать. На улицах появились прохожие, и никто не обращал внимания на странное, как ей казалось, одеяние Мирэ: клетчатый коричневый платок, прикрывающий голову и почти все тело, белесую холщовую юбку, торчащую из-под платка, и блестящие, как лак, шкатулки на ногах.

³⁷ Посон (также босон) – толстые простеганные носки и лапти.

Корейская слобода скрылась за гребнем, город выпрямился, стал выше ростом, чище и опрятнее. Окруженный со всех сторон лысыми округлыми горками, все еще прикрытыми снегом, он сиял в утреннем свете белеными боками, красным кирпичом, рыжим деревом и серебристыми крышами одного цвета с беспокойным морем. Мирэ никогда не видела такой большой воды и таких огромных лодок, железных, черных, что недвижно, как скалы, стояли среди волнующейся воды далеко от берега, все с толстыми потухшими трубами, по три на каждую лодку. Вокруг, будто мухи возле быков, роились маленькие лодки, с парусами и без. Во всем, что видела сейчас Мирэ, чувствовалась неумная сила, сила тысячи тигров.

И тут в воздухе поплыл звон. Веселый и радостный. Будто начали бить сразу в десяток медных котлов, созывая людей к обеду. Мирэ подняла глаза. Звук шел от дома, ни на что не похожего. Дом был словно слеплен из многих отдельных домов, с шестью башенками по верху, и каждая несла на себе медную корону с золоченой луковицей, увенчанной тонким крестом. И цветом этот дом выделялся, он точно светился изнутри, как лампа в бумажном абажуре. Звон приманивал, омывал, обволакивал, отгонял тревогу и грусть. Это и был дом божий, кёхве, где зывал к небесному отцу Есу отец Басили, объяснила тетушка Ли.

Дом русского бога Есу был значительнее, мощнее, краше, чем дом того Есу, к которому обратил Мирэ французский пастор. Тот был строгим, белесым, как одежда простолюдина, с одной башенкой и одним колоколом. А этот... Словно шесть шаманок – две наставницы и четыре подрастающие ученицы – сплелись в общем танце. И косые перекладины, перечеркивавшие золотые кресты на макушках, тоже, казалось, пытаются войти в их круг, и только великим чудом кресты удерживаются на маленьких шариках, из которых растут.

Внутри же столько золотого блеска, что у Мирэ закружилась голова. Везде доски с нарисованными боролатыми стариками, большими, во весь рост, и маленькими, обрезанными по грудь. Их много, и все окаймлены узорами; плоски с огоньками освещают лица с коровьими, как у матери Есу, глазами, перед ними свечи толщиной в руку на высоких подставках с витыми столбиками-основаниями... Не было только скамеек, какие были в доме бога в Кандо.

А все пришедшие в кёхве люди стояли, замерев, как столбы-чжангуны у входа в деревню! Те, кто победнее, жались ближе ко входу; одетые же в темные шерстяные одежды с золотыми пуговицами стояли ближе к свечам и старцам. Впереди, на возвышении, спиной к собравшимся и лицом к золоченым дверям, над которыми была нарисована птица в лучах солнца, – отец Басили. Мирэ узнала его по длинным, пушистым, торчавшим во все стороны волосам. Он напевно читал книгу, лежавшую перед ним, и временами обмахивал себя рукой, а собравшиеся вторили его словам и движениям.

Голос у отца Басили такой силы, будто он сидел на дне большой бочки и говорил оттуда. Такого голоса не было даже у слепорожденных колдунов-пансу! Звук проникал в самую душу и тело Мирэ и наводил там порядок: живот перестал бурлить от тревоги, успокоилось сердце, выровнялось дыхание.

Тетушка Ли дождалась, когда отец Басили закончит читать книгу, кивнула Мирэ и стала протискиваться сквозь толпу, направлявшуюся к выходу. Добравшись до отца Басили, она склонилась и поцеловала ему руку, Мирэ вслед за тетушкой Ли сделала то же самое и теперь стояла, потупив голову и опустив глаза в пол, а тетушка Ли рассказывала отцу Басили про ее беду. Так Мирэ думала – по-русски она не понимала.

– Аигу! – перешла на корейский тетушка Ли, обращаясь к Мирэ. – Кресты у отца Басили закончились, теперь будут только после окончания великого воздержания!

– А что же мне делать? – растерялась Мирэ. – Без креста дух овладеет мной!

Тетушка Ли снова заговорила с отцом Басили.

– Он говорит, вчера ему принесли потерянный крест. Не нашего вида. Посмотри, вдруг твой?

Отец Басили сунул руку в складки своего длинного черного одеяния и достал деревянный крест на кожаном шнурке. И тут уж Мирэ без всяких указаний тетушки Ли бросилась на колени. Это был *ее* крест. Бог – отец русского Есу – показал ей, что способен на чудо. А значит, способен взять ее под свою защиту. И кажется, у русского и французского Есу один Бог-отец. Скорее всего, эти сыновья Бога – братья. И Мирэ не нарушит Божьих законов, поклоняясь ему в доме русского бога. Аллилуйя!

Глава 3

А молоко у Мирэ в одночасье пропало. То ли дух Тигра все высосал, то ли от испуга. Она не сразу это поняла. Но когда наутро перед выходом к отцу Басили застегивала непривычную кофту русского кроя, удивилась, что грудь не болит. А уж после того, как обрела потерянный крест, совершенно уверилась в силе небесного отца Есу и его служителя, отца Басили. Спросила через тетушку Ли, можно ли ей приходить в русскую кёхве молиться. В слободе была своя церковь, но меньше, скромнее, совмещенная со школой, и силы такой, как большая, по разумению Мирэ, не имела. Отец Басили разрешил. И после окончания времени воздержания, который по-русски назывался Великий пост, в день воскресения Есу отец Басили надел на Мирэ медный крест, оставив и чудом найденный деревянный, и дал ей русское имя Мария. Имя матери Есу. А отчество дал свое. Так она превратилась в Ким Марию Васильевну, хотя ее исконная фамилия была Хан. Но в русской традиции жена носила фамилию мужа, и бумагу в полицию Мирэ получила на это имя. Вот только отчество выговаривать правильно долго еще не могла.

Весть о чудесном возвращении креста разнеслась по всей округе. Русские женщины останавливали Мирэ в церкви или возле и спрашивали, не она ли та самая, что потеряла крест. Мирэ сначала только догадывалась, о чем ее спрашивают, и лишь согласно склоняла голову и крестилась, как научил отец Басили – справа налево. В благодарность отцу Басили Мирэ предложила убираться в кёхве после утренней службы – через тетушку Ли, конечно. Отец Басили позволил.

Теперь каждое утро Мирэ бывала в церкви. Никто не умел так тщательно чистить медь и серебро, как Мирэ, чтоб все сияло. Отцу Басили нравилось ее прилежание. Он стал учить ее русским словам. Русский язык трудный. Слова длинные. Согласные слипаются, по два, по три вместе. И гласные, бывает, в целую песню выстраиваются. Звуки же есть такие, каких в корейском вовсе нет. Язык у Мирэ заплетался, пытаясь заучить русские молитвы, чтобы обратиться к великому отцу Есу и земной матери Есу, чье имя она теперь носила, с просьбой о ребенке. Он должен выжить и должен быть мальчиком. Став взрослым, он женится и продолжит род отца. Оставалось хорошенько выучить слова, а потом, дождавшись мужа, вместе помолиться, чтобы зачать сына.

Мирэ попросила соседского мальчика с русским именем Мися³⁸, ходившего в школу при церкви, записать русскую молитву буквами хангыля. Мирэ учила ее целый месяц, но, даже читая по бумажке, выговорить всё была не в силах. Молитва оказалась очень длинной и не поддавалась запоминанию. Отчаявшись, Мирэ спросила у отца Басили, поймет ли русский бог, если она будет молиться по-корейски. Отец Басили заверил: поймет – и дал ей перевод, который сделал кореец, долго служивший при отце Басили в большой кёхве, а теперь отправленный в какую-то корейскую деревню проповедовать.

Мирэ прочитала перевод, удивилась и не поверила.

Во-первых, получалось, что к небесному отцу Есу обращаются на «ты». Во-вторых, все сословия должны были называть себя рабами, обращаясь к Богу, и не только рабы-ноби, но и крестьяне-янмины, и ремесленники-конмины, к которым Мирэ принадлежала по рождению, и среднее сословие – чуньины, и даже высокородные янбаны! Этого не могло быть!

Ведь если к Богу обращаться на «ты» – это страшное унижение Бога! Нельзя же к властителю неба обращаться, как будто он из сословия подлых людей! Да еще при этом говорить, что обращающийся – раб того, которого унижительно тыкают.

³⁸ Миша.

Подумав немного, Мирэ решила сама поправить слова молитвы: почтительно обращаться к Богу на «вы», а себя называть не рабой, а как есть – конмин, чтобы не вводить Всевышнего в заблуждение. Но молитву пока не творила – ждала мужа.

Муж через три месяца не вернулся. Обманули его и всех его учеников – тайных партизан, бежавших из Кандо в Россию от японских преследователей, – свои же корейские подрядчики, не первое поколение живущие на русской земле. Обещали хорошо заплатить, а отправили новоприбывших земляков за тысячи ли в настоящее рабство. Муж с лесоповала бежал первый, но денег, чтобы добраться до Владивостока, у него не было. Да и не мог он бросить в беде доверившихся ему учеников. Надо было вызволять. Так писал он Мирэ. А Мирэ в ответных письмах каждый раз просила прощения за то, что не уберегла сына. И муж каждый раз прощал. Мирэ благодарила и славila добросердечие мужа.

А время наступило в России непонятное. Еще до того, как Мирэ покинула Кандо, в столице России случилась революция. Шептали, что революцию устроили немцы, чтобы захватить власть, но не напрямую, а через русских янбанов. Царя заперли во дворце и запретили выходить. Было очень похоже на историю с корейским императором Сунджоном³⁹, которого японцы посадили во дворец Чхандоккун десять лет назад. Правителя здешнего края, который хорошо относился к корейцам и много для них сделал, арестовали и отправили в далекую столицу. Больше о нем ничего не было слышно.

Люди в городе не хотели трудиться: не выходили на работу, и всё! Требовали, чтобы платили больше за меньшее время. «Откуда же хозяин деньги тогда возьмет, чтобы платить им, если выпускать товаров станут меньше?» – возмущался, читая газеты, дядюшка Ли. Цены в городе подскочили на всё. На муку, и на рис, и на чумизу, и на овощи, и на рыбу, и на мясо – а ведь не прошло и трех месяцев, как Мирэ приехала во Владивосток, – она уже научилась произносить длинное русское название, пусть и на корейский лад – Баладибасытоки.

Наступил июнь. На далекой родине – время праздника Тано, радостное и солнечное послепосевное веселье. А здесь над городом нависла соленая хмарь, как будто морской ветер заколдовали и обездвижили. Лишь на рассвете первые лучи встающего солнца рассеянно скользили по окнам домов, а потом намертво вязли в грязно-серых облаках. Город подъял запасы, а еду из Сибири по железной дороге перестали подвозить, сокрушался дядюшка Ли. Китайцы на рынке тотчас подняли цены на свои товары, завозимые из Маньчжурии на подводах. За ними подняли цены и остальные торговцы. Даже рыба, выловленная тут же, в бухте под названием Золотой Рог, стала стоить в три, в четыре раза дороже. А всё потому, что морское ведомство конфисковало оба судна, на которых раньше эту рыбу ловили, объяснял дядюшка Ли. Разъяренные покупатели набрасывались на продавцов, обвиняя их в злостных умыслах. Полиция пыталась навести порядок, но на все драки ее не хватало. Корейцы из уездов, привозившие раньше свой товар на Семёновский базар, решили, что жизнь дороже, и остатки прошлогоднего урожая доедали сами. Тетушка Ли за покупками больше не ходила. Дядюшка Ли, как и другие жители слободы, колесил теперь по корейским деревням, закупая рыбу и овощи, и вез, тщательно прикрывая от посторонних глаз травой. Трава тоже не пропадала – шла на прокорм подраставшим поросётам.

В самой слободе между мужчинами бушевали бесконечные споры и ссоры. Женщинам разговаривать было некогда – у них в любые времена забот по хозяйству хватало. Тем более что в каждом доме добавилось постояльцев: из Кореи в Россию бежали не только лишившиеся земли крестьяне, но и благородные господа. У них-то деньги водились. Часто они собирались у дядюшки Ли, чтобы выпить соджу и обсудить последние новости, вычитанные в русских и корейских газетах. Дядюшка Ли отказал от постоя портовым грузчикам – новые посетители морщились от их вида и запаха. Комнаты, в каких раньше жили постояльцы, подновили, окле-

³⁹ Сунджон – второй и последний император Корейской империи (1907–1910).

или бумагой и провожали туда гостей, которые хотели побеседовать без посторонних глаз, сидя за маленькими лакированными столиками и подобрав под себя ноги, на привычном для корейцев кане.

Вот когда тетушке Ли потребовалась помощница – и очень вовремя, потому что деньги у Мирэ закончились, оплачивать еду и ночлег она уже не могла. Теперь Мирэ отработывала свое проживание мытьем посуды, уборкой и стиркой, а чаще – чисткой и резкой овощей в закутке при кухне, пристроенной сбоку от передней комнаты. И в уши ей втекали все разговоры постояльцев.

Высокородные мужчины спорили каждый день громко и долго. Что такое справедливость, можно ли всех сделать равными в правах, как провозгласила новая власть, продолжит ли свергнувшее царя Временное правительство войну с немцами, но больше всего – как освободить Корею от японцев. Без помощи Китая японцев победить невозможно, считали многие, ведь новое российское правительство поддержало союз с Японией. Но Мирэ-то знала, что рассчитывать на китайцев не стоит. Китайцы сами теперь оказались под японцами. Потому-то ее мужу, учителю, по-корейски звавшемуся Ким Сон Мук, а после крещения – Эмиль, и пришлось бежать в Россию, принять русскую веру и русское имя. А ведь в Маньчжурии он основал спортивное общество молодых корейцев с тайной целью создать ядро будущих антияпонских отрядов. Многим из его учеников тоже пришлось бежать. Рассчитывали на помощь давно укоренившихся в России земляков, а земляки, получается, их обманули. И вот теперь она чистит редьку на кухне у тетушки Ли, а ее муж, тайный мастер запрещенной японскими властями борьбы тхэккён⁴⁰, набивает папиросы на табачной фабрике в Иркутске, силясь накопить денег на проезд до Владивостока.

Споры затягивались за полночь, и Мирэ дремала в закутке, ожидая, когда уйдет последний посетитель, чтобы протереть столы и подмести пол.

Как-то раз она очнулась от негромкого, но жесткого разговора. В передней кто-то требовал от дядюшки Ли денег на оружие для патриотов, а дядюшка Ли напоминал, что в этом месяце уже внес свой вклад, и каждый месяц вносит, и не первый год. А чужак – Мирэ этого голоса раньше не слышала – возражал, говоря, что теперь у дядюшки Ли доходы серьезно увеличились и он должен давать в два раза больше. Дядюшка Ли возмутился: мол, и расходы у него стали намного больше из-за роста цен. Чужак пригрозил: если дядюшка Ли не раскошелится, то пожалеет. Дядюшка Ли вспылil. Взнос – дело добровольное, говорил, он во втором поколении русский подданный и ничем Корею не обязан, а корейские императоры изводили крестьян хуже, чем японцы, и его родители умерли бы с голода, не переселись они на русские земли. А чужак назвал дядюшку Ли предателем и посоветовал к своему русскому имени, которого Мирэ до сих пор не могла выговорить, что-то вроде Келасимы⁴¹, добавить и русскую фамилию, чтобы не позорить предков. А потом послышался глухой шум, стон, drobный металлический грохот, треск и, наконец, решительный стук входной двери.

Мирэ подползла на коленках к кухонной перегородке и выглянула из закутка в переднюю. Дядюшка Ли лежал под столом без движения, скрючившись, как полупустой куль. Опрокинутая вверх ногами скамейка, казалось, была готова немедленно сдаться и, в отличие от хозяйина, подчиниться требованиям чужака. Пол весь усыпан медными плошками, обычно стопками стоявшими на полках, в начищенных до блеска боках отражались огоньки висевших под потолком керосиновых ламп...

Мирэ вскочила на ноги и побежала в заднюю комнату будить хозяйку.

⁴⁰ Тхэккён – древнее корейское боевое искусство, предшественник тхэквондо. В тхэккёне преобладают удары ногами и высокие прыжки, сопровождаемые ударами ног. Запрещены любые удары кулаками, вместо этого применяются удары с помощью открытых ладоней.

⁴¹ Герасим.

Дядюшка Ли отлеживался несколько дней – пришлось на время повесить на ворота табличку с извинением, что гостей не принимают. Шутка ли в его почтенном пятидесятилетнем возрасте получить сапогом в грудь! Даже дышать дядюшке Ли было больно. Но когда тетушка Ли приходила спросить, не надо ли чего, или приносила еду, непременно клял напавшего на него.

– Негодяй! Как он посмел! Да чтобы у него и язык, и ноги отсохли! Я ему в отцы гожусь! Какие родители его воспитывали? Рыба вдруг стала драконом! Ведь раньше казался уважаемым юношей! А теперь? Даже тигр, проглотив его, выплюнет обратно! Это я не патриот?! Сколько я им денег за эти годы передал – можно целый отряд вооружить! У меня все записано!

Мирэ и не хотела бы этого слышать, но перегородка между комнатой, где лежал дядюшка Ли, и задней была слишком тонкой.

– Сколько беглецов я принял в своем доме! Вот теперь жена учителя Кима уже четвертый месяц у нас живет! Бесплатно!

– Первые два месяца она платила, – напомнила мужу тетушка Ли.

– А все эти высокородные! – продолжал дядюшка Ли. – Я же рискую, позволяя им вести тут разговоры! Кто-нибудь донесет в полицию, что здесь антияпонский комитет собирается, и всё, меня в тюрьму посадят!

Тетушка Ли помолчала, а потом выстрелила скороговоркой:

– Ёбо⁴², я всего лишь глупая женщина, и советы мои могут быть дурными. Но что, если нам продать дом и перебраться к старшему сыну в Иркутск? Вряд ли туда доберутся наши патриоты.

Мирэ замерла. В Иркутск? В Иркутске наши патриоты как раз есть! Ее муж и его ученики. Она зажала в кулак оба креста и, глядя на образ матери Есу, принялась молиться, чтобы дядюшка Ли согласился на переезд. А уж она уговорит их взять ее с собой и там соединится с мужем!

– Ёбо! – закричал дядюшка Ли. – Ты и правда глупая! Зарезать своими руками курицу, несущую золотые яйца? За хорошую цену дом сейчас не продать, да и деньги так быстро дешевеют!.. Пока до Иркутска доберемся, в пустые бумажки превратятся, только что комнату и оклеим!

– Так ведь страшно! Кто нас здесь защитит, если эти вымогатели опять придут?

Дядюшка Ли помолчал, потом произнес тихо:

– Я знаю способ. Пожертвуем одной комнатой, пригласим на постой двух знатоков тхэккён. Бесплатно. И пусть только попробует кто потом сунуться с поборами.

Через несколько дней в доме появились два молодых парня. Оба стрижены на русский солдатский лад, поэтому по виду их брачный статус не определить. По новоприбывшим некрепощеным корейцам легко было понять, женат парень или нет. С косой – значит, не женат, закручены волосы на затылке – уважаемый, семейный человек. Но старожилы волосы стригли коротко, на русский манер, и непонятно было, как определить их семейное положение.

По фамилиям парней никто не звал, только по прозвищам: Гюн – «бамбук» и Кеми – «орех». Каждый мужчина-кореец имеет прозвище. Вот тетушка Ли за глаза называла своего мужа Симсультэги – «упрямец».

А парни своим прозвищам соответствовали совершенно. Гюн – высокий, худой и жилистый, все суставы выпирали, как соединения коленец бамбука. Кеми – круглоголовый и круглоплечий, и ноги у него разъезжались колесом. Днем они следили за порядком на складе, владец которого – удачливый купец и уважаемый человек Цой Зя Хен – получил подряд на

⁴² Ёбо – «послушай»; типичное обращение в близкородственных отношениях.

снабжение русского военного флота, а по вечерам в освобожденном от онгги⁴³ сарае дядюшки Ли обучали желающих искусству борьбы. А желающих было хоть отбавляй.

– У меня теперь целая армия защитников, – посмеивался ободрившийся дядюшка Ли.

Тетушка Ли вздохнула с облегчением, а вот жизнь Мирэ изрядно осложнилась. Трудно оставаться незаметной, когда вокруг столько молодых одиноких мужчин, похожих на бойцовых петухов. Будь ее воля, Мирэ сидела бы вечерами в задней комнате и читала русский букварь, который принес ей соседский Мися. Но забот по хозяйству становилось все больше. Новые квартиранты одежду меняли часто, и Мирэ почти каждый день тащила по непросыхавшей грязи – дожди не давали вздохнуть – к речке стирать и полоскать белье. А светлыми июльскими вечерами – в Корее они назывались бы «малая и большая жара» – Мирэ по распоряжению тетушки Ли мыла во дворе онгги, готовя их к осенней засолке.

Размером онгги такие, что, если присесть, Мирэ могла бы поместиться внутри с головой. Было их больше двух десятков, и, изгнанные борцами из сарая, они стояли вдоль забора, словно солдаты на страже. Каждый горшок нужно было осторожно повалить на бок, залезть по пояс в серединку с котелком горячей воды, разбавленной уксусом, и хорошенько отдраить морской губкой пористую глину. Хочешь не хочешь, но юбку, чтобы не замочить, приходилось заправлять повыше, оголяя колени. А юбка русского покроя, которой снабдила Мирэ для хозяйственных работ тетушка Ли, была из ситца, тонкая, тут же намокала от воды и прилипала к бедрам. Стыд, да и только. Вылезешь из горшка, оглядишься – а какой-нибудь юнец на тебя пялится; поймав взгляд, краснеет и уносится прочь.

А ночью из соседней комнаты – густой мужской храп, как тут заснешь? А заснешь – приходит во сне дух Тигра со вставшей плотью, и надо ему все время показывать свои кресты, тогда он исчезает в оконном стекле...

Мирэ ощущала себя пустым горшком, не выполняющим своего предназначения – вынашивать и рожать детей. Со смерти матери она всегда выходила из дома с ребенком за спиной: сначала носила сестру, потом – соседских детей, у которых была нянькой за еду, а как вышла замуж – своих детей. А теперь она шла к далекому колодцу и обратно с большим тазом на голове и чувствовала себя неуверенно: не хватало груза за спиной или хотя бы в животе. А еще она очень скучала по мужу, да и ревновала, хотя старалась подавить это непозволительное чувство, потому что ревность жены – у корейцев достаточная причина, чтобы муж с ревнивицей развелся.

Вспомнила Мирэ свои волнения перед замужеством. Ким-сонсэнним – уважаемый учитель Ким – умел говорить красиво и возвышенно, чем вызывал любовь своих учеников и интерес женщин. А он, такой взрослый, искушенный жизнью и обласканный вниманием ненасытных вдов⁴⁴ мужчина, женится на деревенской девчонке... Мирэ трепетала от одной только мысли: не сбежит ли он от жены-неумехи в первую же неделю? Ведь у нее не было ни матери, ни даже тети, которая посвятила бы ее в постельные дела.

Тогда Мирэ достала черепаховую заколку, подаренную в детстве отцом за находку женьшеня, и пошла к дому, где жила кисэн. Некоторые кисэн тоже бежали от японцев в Кандо, в Маньчжурию, не желая развлекать спесивых оккупантов и учить их язык.

Пошла рано утром – утром, по рассуждениям Мирэ, у кисэн гостей не бывает. Оробела уже у ворот. Новые ворота, покрытые лаком, с символом ым-ян⁴⁵ красно-черного цвета посередине, сообщали прохожим, что хозяйка живет в достатке. Польстится ли такая состоятельная

⁴³ Большие горшки для квашения овощей.

⁴⁴ В Корее вдовы, за небольшим исключением, замуж повторно не выходили. Они должны были хранить верность умершему мужу. Женщины в повторном браке осуждались обществом, их дети считались незаконными.

⁴⁵ Ым-ян – инь и ян. Ым – сила, олицетворяющая Землю, женское начало, ян – Небо, мужское начало. Ым красного цвета на воротах дома кисэн вместо белого, видимо, символизирует чувственность женщины.

госпожа на черепаховую заколку? Мирэ постучала. За воротами заворчала собака, негромко обозначая свое присутствие. Конечно, брехливую собаку кисэн держать не будет – бестолковый лай распугает всех гостей.

Легкие шаги по ступеням, по каменной дорожке, и в воротах появилась маленькая щель, а в ней глаз молодой, но, судя по взгляду, опытной девушки с обвитой вокруг головы косой, какую носили служанки, – на такой подставке легче переносить тазы и корзины. Мирэ молча поклонилась.

– Сирота? – первым делом спросила служанка.

Мирэ кивнула, так и не открывая рта.

– За наставлением?

Мирэ кивнула дважды.

– Госпожа еще спит. Приходи в полдень. Деньги-то у тебя есть?

Мирэ достала из мешочка для амулетов, какой носит при себе любая женщина, и поднесла ближе к щели заколку.

– Красивая, – оценила служанка. – Где взяла? Не украла?

Мирэ вспыхнула.

– Я из честной семьи плотника! Выхожу замуж за учителя! А заколку мне отец подарил еще в детстве.

– У-у-у, какие подарки делают плотники своим дочерям! – завистливо, но недоверчиво процедила служанка, однако ворота раскрыла пошире. – Но постельная наука дороже фамильного наследства, да? – И она громко засмеялась.

Мирэ не хотела уходить – пришлось бы возвращаться к дому кисэн средь бела дня – и осмелилась на просьбу:

– Можно я во дворе подожду? Мне до дома недалеко.

– Ладно, заходи, – милостиво разрешила служанка и пропустила Мирэ внутрь. – Двор пока подметешь, все равно тебе делать нечего.

Вручила Мирэ стоявшую у ворот метлу, а сама, подобрав юбку, не новую, но ярко-зеленую, словно была из благородных, а не какая-то служанка у кисэн, зашуршала по ступенькам в дом.

В душе у Мирэ все так и закипело. Она, честная девушка из ремесленного сословия, будет убирать двор у кисэн, которые раньше были в одном сословии с рабами! Мирэ колебалась. Убрать – унижить себя, не убрать – кисэн может рассердиться и не дать наставления.

Уже наступило халло⁴⁶, время холодных рос, и двор был засыпан листьями: желтыми узенькими, ивы, и багряными разлапистыми, клена, они словно пытались поймать своими растопыренными ладонями маленьких желтых рыбок. Мирэ никогда еще не бывала в таком красивом ухоженном дворе-саде. Он был устроен по-китайски: полукруглые ворота, и дорожки извилистые, тут и там белели камни и горбатились покрытые травой холмики. И пруд в виде фасолины, в котором по-королевски неторопливо двигались длиннохвостые и пузатые, будто надувшиеся от гордости, золотые рыбки. Над прудом склонялась кривая сосна, похожая на выгнувшую спину лохматую кошку. У самых ступеней в узорчатых бело-синих горшках горделиво пламенели выспевшие фонарики физалисов – символы долголетия. Мирэ должна была признать, что наводить порядок в такой красоте было само по себе удовольствием. К тому же дом окружал высокий и глухой забор из камня – никто не сможет подсмотреть.

И Мирэ принялась подметать дорожки. Это было куда приятнее, чем копать в огороде или чистить в загородке у свиней – ее обычные хозяйские заботы. Она так увлеклась, что совсем забыла о времени и о сословиях. И когда служанка окликнула ее с порога, приглашая войти в дом, она не сразу услышала – замечталась.

⁴⁶ Халло – приблизительно с 8 по 22 октября по корейскому народному календарю.

Поставив метлу на место у ворот, Мирэ смахнула со лба пот, одернула свою бледно-голубую полотняную юбку, попутно вытерев об нее ладони, и, сняв у крыльца кожаные поршни качжуксин⁴⁷, поспешила вверх по ступеням, очень надеясь, что все утро крутившаяся возле нее белая собака не истреplet ее обувь, пока она разговаривает с кисэн.

Она не сразу заметила хозяйку среди множества зеркальных шкафов, окованных медью сундуков, сложенных стопками подушек, пестрых напольных ковров и потолков, затянутых золоченой тканью. Богатств в этой зале было так много, что у Мирэ к горлу подступила тошнота, как в детстве, когда она, еще маленькая, украдкой объелась меда из сот, собранных матерью в лесу. В ее доме единственным украшением был домашний алтарь, вырезанный отцом из можжевельника, с табличками, на которых начертаны имена предков. И когда Мирэ услышала насмешливый голос, вопрошавший, а умеет ли она хотя бы здороваться, то не сразу поняла, откуда идет звук.

Кисэн сидела на скамейке с подлокотниками в очень неприличной позе. Одна нога ее в шелковой туфельке с резко загнутым вверх кичливым носком стояла на ковре, другая была подтянута к подбородку, и коленка выпирала под многочисленными цветными юбками на высоте плеча. На коленке покоился локоть кисэн. Она курила длинную трубку, выпуская в воздух колечки дыма.

Мирэ совсем смутилась и, опустив глаза в узоры на китайском ковре, принялась бормотать приветствия и извинения.

– Подойди ко мне и сядь здесь! – приказала кисэн, показывая на ковер перед собой, как раз под поднятой вверх ногой.

Мирэ повиновалась, по-прежнему не поднимая взгляда.

– Покажи, что принесла! – к лицу Мирэ протянулась холеная белая рука с отполированными ногтями, унизанная золотыми кольцами.

Мирэ суетливо сунула руку в мешочек и подала заколку, мимолетно приподняв голову. Про себя отметила, что кисэн уже немолода, судя по складке на шее и морщинкам в уголках глаз – старше двадцати пяти. Может, она слишком стара для первоклассных домов, вот и уехала в Маньчжурию...

Заколка тут же исчезла из виду, как испаряется иней под лучами солнца: раз – и ни следа.

– Знаешь ли ты четыре пу⁴⁸, которыми должна обладать жена?

– Знаю, госпожа.

– Как поклониться мужу, как повернуться, как сесть, как налить мужу соджу?

– Да, госпожа.

– С мужем надо говорить писклявым голосом, словно маленькая девочка, ты это помнишь?

Мирэ кивнула. Рука в кольцах коснулась ее лица, взяла за подбородок и повернула вверх к свету, льющемуся из окна. Кисэн долго и молча рассматривала Мирэ, слегка прищурившись. Мирэ смотрела в потолок.

– Покажи зубы, – наконец велела кисэн. Мирэ открыла рот. – Хорошо, – удовлетворенно заключила кисэн. – Зубы на месте, белые, ровные, без щелей, родинок и бородавок на лице нет, нос тонкий, кисти маленькие. Видно, на твою красоту учитель польстился. Иначе с чего бы ему брать в жены дочь плотника?

Мирэ понимала, что это не вопрос, а рассуждение вслух. Она и сама с трудом верила в свою удачу.

– Он из крестьян и сам сирота, – объяснила Мирэ странный выбор учителя.

⁴⁷ Качжуксин – род обуви у крестьян из одного куска кожи, собранного вокруг щиколотки ремешком.

⁴⁸ Пу – четыре критерия, по которым подбирали жен: пудок – хорошие манеры, пуён – правильная манера речи, пуёнг – деликатные черты лица, пугонг – хозяйственные навыки.

– В любом случае третий пу ты проходишь. Шить, вышивать, ткать и готовить умеешь? – продолжила опрос кисэн.

– Да, госпожа.

– Счет знаешь?

– Знаю, госпожа. Но читать и писать не умею.

– Это не обязательно. Надо будет – муж тебя научит, на то он и учитель.

На это Мирэ очень рассчитывала.

– Значит, пришла ты ко мне за другой наукой – как ублажить мужа в постели.

Мирэ покраснела, чуть кивнув в знак согласия.

– Ты видела когда-нибудь, как выглядит вставший перец?

Мирэ совсем стушеввалась:

– Видела у отца, когда он был пьяный и спал без штанов.

– То есть когда у мужа увидишь – не испугаешься. Мужу сколько лет?

– Двадцать три.

– Тогда перец встанет сам, но приласкать его не мешает. Держать его нужно нежно, как флейту тансо, и тихонько поглаживать. Вот возьми, попробуй.

И кисэн извлекла из-за спины и протянула Мирэ бамбуковую флейту. Мирэ приняла инструмент и заскользила пальцами вниз и вверх.

– Одними пальцами может быть щекотно, бери всей ладонью, – продолжала наставление кисэн. – Одежду с себя сама не снимай, а то муж посчитает тебя развратной. Он сам снимет с тебя то, что сочтет нужным.

Мирэ продолжала натирать флейту.

– Главное – все делать молча, если муж чего не спросит. Воткнет в тебя перец, будет первый раз больно – терпи и молчи, а если радостно тебе станет – тоже звуков не издавай.

– Хорошо!

– Сразу потом не вскакивай, полежи, подсунь головной валик под заднее место, чтобы семя внутри завязалось...

Попыхивая трубкой, кисэн объясняла премудрости замужней жизни обстоятельно и подробно, а потом забрала у Мирэ флейту, задрала юбки, под которыми не оказалось штанов-коджени, и показала наглядно, как перец входит в тайное место и как нужно, когда он войдет, изо всех сил сжимать его изнутри. И пообещала: если Мирэ научится хорошо сжимать и разжимать, муж будет ею доволен.

Мирэ научилась – и муж был ею доволен. Но любовные соки бурлили у него, как у племенного быка во время весенней случки. А потому он не обходил вниманием и окрестных вдов – матерей своих учеников, особенно когда жена была беременна. Мирэ, как наставляла ее кисэн, делала вид, что ничего не замечает. И то хорошо, что свободного времени – и учительство, и революционная борьба – у учителя Кима оставалось мало. Но он все равно успевал. Добросердечные соседки неусыпно следили за его передвижениями по кварталу и как бы между прочим, заглянув к Мирэ по пустячному поводу, выражали сочувствие неустанно работавшему учителю, даже вечерней порой посещавшему дома своих учеников. Мирэ благодарила соседок за участие и кланялась в знак благодарности, подавляя желание вырвать им языки.

Она могла признаться только себе, что была даже рада бегству мужа в Россию – за время последней беременности муж зачастил в один и тот же дом, а это уже скандально. Отправляясь в русскую землю с сыном за спиной, Мирэ рассчитывала начать супружескую жизнь заново – как уважаемая мать мальчика и единственная супруга христианина, ведь супружеской неверности Есу не одобрял. Но младенец погиб в пути, а муж уехал в далекие дали и не спешил возвращаться, хотя она уже несколько раз писала, что деньги у нее закончились, а одежда вся

обтрепалась. Может, ему действительно плохо платят на табачной фабрике, а может, завел там себе там белотелую русскую женщину и тратит на нее все деньги?..

Наступило осеннее равноденствие. Поползли слухи, что железная дорога встала, поезда разгромлены бегущими с германского фронта солдатами и сообщения между городами теперь нет. Старики Ли по-прежнему не платили Мирэ, а впереди маячила суровая морозная зима – даже обуви, чтобы во двор выйти, не было. В городе стало плохо не только с едой, но и с прочими товарами. Поговаривали, что всем раздадут карточки по количеству проживающих в доме. Но в корейской слободе передавать властям списки жильцов не спешили. Карточки, конечно, хотелось всем, но что, если вместо карточек домохозяев оштрафуют за сокрытие нелегально проживающих? Или даже посадят в тюрьму – ходили и такие слухи.

А потом пропали старые деньги и появились новые, которым никто не верил: с орлом без короны, без номерных знаков, без подписи и года выпуска. К тому же они сильно упали в цене, и городские власти принялись отбирать товар у купцов вовсе бесплатно. На рынке стали предлагать мену: товар на товар. Дядюшке Ли высокородные гости приносили теперь в оплату за гостеприимство всякое разное, но по большей части мужское, совсем не нужное в здешней жизни: ханбоки⁴⁹, корейские шляпы из конского волоса, пояса с серебряными пряжками, палочки для еды из слоновой кости и книги, написанные на ханмуне. Дядюшка Ли пытался поменять это на продукты в корейских деревнях, но практичные селяне отказывались. И гостей у дядюшки Ли стало совсем мало, да и кормить их все равно было бы нечем.

Хорошо, что дядюшке Ли удалось ухватить с морского военного склада целый воз выброшенной на помойку круглоголовой капусты, подгнившей по недосмотру. Мирэ вместе с тетушкой Ли снимали верхние листья, а из остальных квасили кимчи, благо запас сушеного перца оставался с прошлого года. А дядюшка Ли отправился к самой границе с Маньчжурией за соей для соуса джиби и пасты джай.

Уехал живой – вернулся мертвый.

Уже смеркалось, когда у ворот раздалось знакомое ржание. Тетушка Ли быстро обтерла покрасневшиеся и распухшие от перца руки, сняла с крюка лампу и пошла открывать. Мирэ поспешила помочь. Распахнули створы, напряженная кобыла, трясая головой на каждом шагу, вошла во двор. Глаза ее, как показалось Мирэ, застилали слезы.

Дядюшка Ли лежал ничком в повозке на мешках с соей. На стриженном затылке чернело маленькое отверстие, хвостом головастика из него вытекала тоненькая струйка крови. Обе женщины побоялись даже кричать. Тетушка Ли заткнула рот кулаком, приложила ухо к спине мужа и зарыдала: раз повозку не ограбили – значит, это пуля от партизан. Месть за то, что отказался платить. Другим в назидание.

Мирэ кинулась в сарай, где каждый вечер собирались борцы. Гюн, Кеми и двое их учеников выскочили во двор, разгоряченные борьбой и потрясенные известием, окружили телегу, проклиная убийц. Ощупав тело, которое еще не успело остыть, – видно, убили на подъезде к городу, – хотели было занести его в дом, но тетушка Ли остановила их и побежала в кухню. Принесла комок ваты и, отщипнув несколько клочков, заткнула уши и ноздри покойника – чтобы душа раньше времени не вышла из тела. Пулевое отверстие тоже заткнула. Потом велела нести тело в сарай, где его предстояло обмыть.

Мирэ уже читала катехизис на корейском, в котором утверждалось, что у человека всего одна душа. Может, у француза или русского одна. Но у любого корейца их всегда три. Одна после смерти остается в доме и поселяется в поминальной дощечке, вторая отправляется в могилу на попечение горного духа, а вот третья – в неведомые дали к десяти судьям, которые

⁴⁹ Ханбок – традиционная корейская одежда.

после испытаний поселяют ее в рай или в ад. «Дал же Бог людям разный облик и богатствами тоже наделил не поровну. Значит, мог Создатель наделить какие-то народы одной душой, а корейцев – тремя, – рассуждала про себя Мирэ. – Хотя бы потому, что так было за тысячи лет до того, как родился Есу, и прошло еще почти две тысячи лет до того, как корейцы узнали про него и его небесного отца». Глядя на неподвижное тело крещеного покойника, Мирэ впервые задалась вопросом: если Есу разрешил корейцам оставить только одну душу, то куда деваются еще две? И как будут хоронить дядюшку Ли – по корейскому или по русскому обряду?

Когда приходит беда, а рядом не оказывается родственников-мужчин, женщина не может полностью отдаться горю. Будь сыновья тетушки Ли дома, они взяли бы на себя все похоронные хлопоты и по обычаю громко себя же и обвиняли бы в смерти родителя – сыновья всегда виноваты, что недосмотрели, – а мать бы рыдала без остановки у тела, как и положено безутешной вдове. Но сыновья, с благословения отца, занимались лесоторговлей в Иркутской губернии. Даже если тетушка Ли даст им завтра телеграмму, при теперешней обстановке на железной дороге они не доберутся и на седьмой день.

У дядюшки и тетушки Ли из выживших детей была еще дочь, которую выдали замуж во Владивостоке. Но ее муж оказался большим любителем опиума и пропадал в китайских курильнях на Миллионке⁵⁰. Дядюшка Ли очень сожалел, что польстился на родство с купцом, чья семья осела на российских землях три поколения назад. А сын его, как только отец умер, все выделенное ему наследство проиграл и прокурил. Об этом Мирэ узнала из причитаний тетушки Ли.

Рыдая и причитая, та налила в котел воду для обмывания, высыпала туда горсть сушеных трав; рыдая и причитая, вынула из сундука всю одежду покойного мужа – надо было ее осмотреть и при необходимости починить до того, как положить в могилу; рыдая и причитая, достала рулон полотна для савана и ширмы, которой предстояло отгородить мертвого от живых. Подготовив всё, надела белый траурный ханбок и чепец. Мирэ тем временем вымыла переднюю комнату, расставив лавки по стенам, а столы собрала вместе – сюда надлежало положить доску чхильсонпхан с вырезанными на ней семью звездами Большой Медведицы и к ней примотать покойного. Мирэ тоже искренне горевала: и дядюшку Ли было жаль, и не хотелось верить, что воюющие против японцев партизаны способны на месть, недостойную настоящих патриотов.

Сокрушаясь о столь прискорбно сложившихся семейных обстоятельствах, тетушка Ли решила попросить слободского старосту быть санчжу – распорядителем похорон, а Гюна и Кеми подготовить тело.

Новости в Корейской слободе распространялись быстрее огня в ветреную погоду. Тетушка Ли еще только собиралась дойти до старосты, чтобы нижайше умолять об услуге, как он уже сам появился в доме. Выразив сочувствие вдове и гневно осудив убийц, староста согласился возглавить похоронную церемонию и завтра же ехать с пхунсу⁵¹ в горы – искать благоприятное место для могилы уважаемого члена общины, каким был дядюшка Ли. Хорошее расположение могилы должно обеспечить благополучную судьбу его сыновьям и внукам – а чего большего могла желать тетушка Ли, как не счастья потомкам по мужской линии. Мирэ поняла, что хоть дядюшка Ли и был православным, но хоронить будут по корейским традициям. А это значило, что хоть дядюшка Ли и умер насильственной смертью от руки своих соотечественников, ему повезло. Умри он сейчас в Корее, японские власти не позволили бы похоронить его в теле, а заставили бы сжечь и закопать пепел на отведенном под кладбище

⁵⁰ Миллионка – исторический район во Владивостоке, образованный китайской диаспорой.

⁵¹ Пхунсу – геомант, специалист по фэншуй (пхунсу). Согласно представлениям китайцев и корейцев, Земля воспринимается как живое существо. Как человеческое тело имеет кровеносные сосуды, так и местность имеет сеть каналов, по которым распространяется жизненная энергия цы (ки). Горы и направления рек влияют на движение этой энергии. Геоманты выбирали наиболее благоприятное место не только для строительства жилищ, но и для могил.

месте. Русские власти, конечно, хотели бы, чтобы корейцы хоронили своих по православному обряду, и выделили под корейское кладбище отдельный участок на седьмой версте от города, но на тайные захоронения в сопках смотрели сквозь пальцы – земли в России много.

И все же не следовало привлекать к похоронам лишнего внимания: и без того вся слобода взбудоражена убийством. А потому в обход обычая тело дядюшки Ли вынесли из дома под покровом ночи без сопровождения ряженных, отгоняющих от тела злых духов, положили в телегу, ту самую, в которой он был застрелен, и маленькая похоронная процессия: староста, пхунсуса, Гюн, Кеми и никудышный зять дядюшки Ли, сухой как щепка, желтый как тыква и неуверенный в движениях, – тихо покинула слободу, не гремя против правил барабанами и не ударяя в медные тарелки. Но чтобы духи все-таки не вошли в тело по пути к могиле, тетушка Ли пришила к покрывалу покойного большой крест из чайной фольги, а на грудь возложила иконку с лицом Есу, специально купленную в церковной лавке.

Воздать почтение усопшему явилась на поминальный обед целая толпа народа, и тетушка Ли истратила почти весь свой запас риса. Староста обещал найти и наказать виновных в смерти ее мужа, тем более что после Февральской революции корейская община во Владивостоке обзавелась своим следственным отделом и своей полицией. Но тетушка Ли не стремилась к мести. Она лишь сожалела, что не уехали они вовремя с мужем в Иркутск к сыновьям, пока железная дорога еще работала. Но видно так было предписано судьбой – ым-ян, а против судьбы люди бессильны...

На смену отчаянию пришла растерянность, и тетушка Ли то и дело замирала, трясаясь от тихого плача. По обычаю после смерти мужа она должна повиноваться старшему сыну, но сын был далеко. Содержать трактир при дороговизне продуктов стало невыгодно, а давать бесплатный ночлег двум мужчинам и одной женщине тетушка Ли больше не могла и предложила им или платить, или искать другое пристанище.

Мирэ не понимала, что ей теперь делать. Писем от мужа не было уже месяц – и ни распоряжений, ни советов получить от него она не могла. К тому же после смерти дядюшки Ли и Гюн, и Кеми стали приставать к ней. То Гюн, проходя, ущипнет за щеку, то Кеми хлопнет по задку, пока она подметает пол. Спасало одно: когда оба поняли намерения соперника, стали ходить друг за другом хвостом. Мирэ попросила тетушку Ли узнать у отца Басили, нельзя ли ей пожить при церкви, убираясь за еду, но отец Басили отказал – не мог позволить детородной женщине, которая каждый месяц на несколько дней становилась нечистой, осквернять своим присутствием храм божий.

Каждое утро и вечер Мирэ горячо молилась Есу и его матери, прося о помощи. Но корейские молитвы не были услышаны. Вместо помощи пришло новое испытание: по слободе прокатилась весть, что девять дней назад в далекой русской столице, на другом конце необъятной страны, случилась еще одна революция и власть захватили какие-то большие люди, по-русски большевики, но от жителей Владивостока это скрывали. Так было написано в одной русской газете. Так Мирэ рассказала тетушка Ли, а ей – хорошо знающий русский язык Гюн.

В городе началась полная неразбериха. Китайские власти закрыли границу с Маньчжурией, надеяться на поставку хоть какого-то продовольствия не приходилось. В слободе назревало открытое противостояние: богатые поддерживали старую власть, бедные – новую. Мирэ никто не спрашивал – не женского ума это дело; конечно, она за ту власть, за которую ее муж, – вот только как бы узнать про его выбор. Но главное, что волновало Мирэ, не бросил ли он ее совсем. И что ей делать, если бросил.

Глава 4

Год Огненной Змеи, 1917-й от рождения Есу, дважды перевернувший жизнь в России, был на исходе. По утрам тусклый свет, едва пробивающийся сквозь ватное одеяло плотных облаков, нехотя освещал мерзлый, как зимний улов корюшки, Владивосток. Топлива не хватало, и печной дым поднимался теперь не из всех труб Корейской слободы. Уголь с Сучанских рудников, который доезжал до города, направлялся прежде всего в порт для загрузки в бункеры пароходов. Ближние сопки вокруг Владивостока оголились еще в молодые годы тетушки Ли, а заготовщиков дров в дальних окрестностях теперь грабили, как раньше грабили разъездных торговцев китайской водкой и опиумом. У продовольственных магазинов задолго до рассвета уже тянулись змеиные хвосты очередей. Прохожие передвигались по улицам торопливо, перебежками, словно пытались спастись от преследовавшего их колючего ветра дурных перемен. Трамваи были переполнены, но ходили, когда давали электричество, а давали его в основном в светлое время. После захода солнца город погружался в беззвездную темь, и ходить по улицам стало опасно. Грабили даже в Корейской слободе, говорили, что хунхузы⁵². Народный патруль, созданный самоуправлением, оказался бессилён.

Тетушка Ли совсем приуныла: кресты над дверью и окном в кладовке больше не спасали чумизу и кимчи от голодных духов. Припасы таяли с каждым днем. Переднюю часть дома, отапливаемую круглой голландской печью, пришлось закрыть и пользоваться входом через кухню, где топилась корейская, подогревавшая пол в спальнях. Гюн и Кеми платили теперь за жилье съестным, которое приносили со склада Цой Зя Хена: сушеной рыбой, крупами, мукой. Мирэ платить было нечем. Она, конечно, помогала тетушке Ли по дому, но это в расчет не бралось. Мирэ попробовала сходить с корзиной в порт, надеясь набрать хоть немного выпавших при перегрузке на суда кусочков угля, но соперничать с озлобленными от отчаяния голодными китайскими кули⁵³, дравшимися в кровь за эти крохи, она не могла. К тому же в порту скопилось множество грузов, и охраняли их томившиеся от скуки и замерзавшие от холода сторожа из местных или солдаты, которые при виде женщины забывали о своих обязанностях. Они призывно свистели, улюлюкали, окликали ее, хлопали в ладоши, привлекая к себе внимание, а один даже покинул свой пост и со всех ног кинулся за убегавшей Мирэ, но запутался в длиннополой шинели и упал. В тот вечер Мирэ долго молилась Деве Марии – благодарила за спасение.

Тетушка Ли тоже молилась Богородице: просила помощи и наставления. Но даже когда купила в свечной лавке и поставила перед ее образом в церкви самую толстую свечу, мать Есу не посылала ей никаких знаков. И тетушка Ли решила: сняла из красного угла все иконы, сложила в сундук и пригласила в дом для гадания шаманку-мудан.

– Мать Есу слишком высоко вознеслась, не слышно ей моих молитв за райской музыкой. А духи – вот они, рядом. К тому же припасами моими пользуются. Спрошу у них, что мне делать: ехать к сыновьям в Иркутск или тут оставаться, – объяснила хозяйка.

Мирэ же хотелось получить ответ на свой вопрос: бросил ее муж или приедет за ней. Но для этого нужно сделать шаманке подношение, а поднести было нечего. И Мирэ продолжала молиться Богородице и ее небесному сыну, испрашивая помощи и защиты от искушения обратиться к гаданию.

⁵² Хунхузы – члены организованных банд, действовавших в Маньчжурии и прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX – первой половине XX веков. В России под хунхузами подразумевались исключительно этнические китайцы.

⁵³ Кули – низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие (носилишки, грузчики, чернорабочие, рикши, поденщики).

В день гадания женщины встали спозаранку. Шаманку предстояло принимать на женской половине, а потому надо было тщательно прибраться, приготовить стол с угощением, воскурить можжевеловые палочки.

Мудан пришла, когда небо на востоке невнятно окрасилось лихорадочным зимним румянцем и окрестные петухи надорвали глотки, приветствуя новый день. Видом шаманка больше напоминала мужчину, чем женщину, да и голос был грубоват. Мирэ сначала даже приняла ее за переодетого пансу⁵⁴ – в той местности, откуда Мирэ была родом, гадали именно мужчины. Но на плоском, как медное зеркало, лице никаких признаков мужской растительности не было – лишь тонкой ниткой тянулись брови, а кожа была нежной и гладкой, как опал: видно, шаманка каждый день натирала лицо завернутой в тряпицу гороховой мукой – так делала когда-то мать Мирэ. В руках у шаманки была накрытая шелковым платком корзинка, на голове она несла красный узелок. По всему было видно, что мудан знала себе цену: юбка на ней была из плотной синей шерсти, а на серой магодже⁵⁵ красовались две серебряные пуговицы с серединкой из кораллов.

Не нагибаясь и не снимая с головы узла, гостя ловко скинула у входа в кухню галоши и без стеснения, по-хозяйски прошла в женскую комнату – тетушка Ли едва поспевала приветствовать и кланяться. Мудан одобрительно взглянула на заставленный плоскими тарелками стол – тетушка Ли торопливо пригласила ее угоститься, и, если бы не поспешила, мудан, наверное, не постеснялась бы начать трапезу без приглашения. Аппетит у шаманки был отменный: и суп, и рис, и кимчи, и кусочки курицы в остром соусе в одно мгновение исчезли из тарелок, словно их там и не было. Тетушка Ли только и успевала подливать шаманке соджу.

Лицо шаманки все больше напоминало раскаленную докрасна сковороду. Наконец гостя сыто отрыгнула, вытерла пальцы о поданное тетушкой Ли полотенце и распорядилась очистить стол. Мирэ поспешно собрала и отнесла на кухню пустые тарелки, грязные ложки, оловянные палочки для еды и принесла чай из подсушенных коричневых корочек вареного риса. Присела на кан и стала разливать напиток.

Мудан отпила глоток, поставила на стол свой узелок, развязала, расправив концы на манер скатерти. Внутри оказались связка из семи колокольчиков на бамбуковой ручке, веер, кисточка и медное зеркало.

– Ах-хэ! – громко воскликнула шаманка, замахала веером, а потом схватила колокольчики и загремела ими над корзинкой, стоявшей у нее с левого бока. Звук был таким громким, что Мирэ, собираясь подлить гостею чаю, чуть не выронила из рук чайник.

А шаманка, уже не обращая ни на кого внимания, положила на стол колокольчики, взяла зеркало в правую руку, левой медленно приподняла уголок закрывавшего корзину платка. Взгляд ее вдруг остановился, тело дернулось и застыло, словно посаженное на кол. Мирэ поняла, что дух, который обитал в корзине, вошел в шаманку, и приподнялась, торопясь уйти на кухню, чтобы оставить хозяйку наедине с мудан.

– Стой! – низким голосом произнесла шаманка. – Не уходи! Тебе надлежит остаться!

Мирэ будто стукнули под коленки, и, лишенная воли, она шлепнулась на кан, плеснув себе на ногу чай из носика чайника, но ожога даже не почувствовала.

– Какой у вас вопрос? – обратилась шаманка к тетушке Ли.

– Ехать ли мне к сыновьям в Иркутск? – дрожащим голосом произнесла тетушка Ли.

Шаманка обмахнулась веером – на лбу у нее выступил пот.

– Дух говорит: да. Возьмите сопровождающими двух мужчин, что живут у вас, и езжайте.

У Мирэ перехватило дыхание. Получалось, что Гюн и Кеми должны уехать с тетушкой Ли!

⁵⁴ Пансу – мужчина-шаман, обычно муж мудан.

⁵⁵ Магоджа – тип длинного жакета, который носят с ханбоком и обычно надевают поверх чоги (короткого жакета).

– Да разве они поедут? – усомнилась хозяйка.

– Их сегодня с работы выгонят за кражу рыбы.

У тетушки Ли от удивления и испуга открылся рот.

– А как же со мной? – вопрос вылетел совсем не по воле Мирэ. Да и голос был не ее.

– Я же сказала: надлежит остаться. Твой муж уехал из Иркутска. Надо ждать его здесь, – голос мудан звучал ровно и протяжно.

– А что будет с моим домом? – заволновалась тетушка Ли.

– За дом не беспокойтесь. Пока в нем живет шаманка, с домом ничего не случится. Духи о нем позаботятся. Только сотрите кресты в кладовке и сундук с иконами заберите с собой.

Потрясенная Мирэ взглянула на тетушку Ли. У той брови поднялись домиком, как у удивленной собаки, глаза округлись мелкими монетками, а нижняя губа и вовсе отвисла, обнажая желтые от табака, истертые трубкой зубы. Потом она сглотнула слюну, прочистила горло и хриплым голосом спросила:

– Вернусь ли?

Шаманка словно не слышала вопрос.

– Вернусь ли я сюда? – встревоженно переспросила тетушка Ли.

– В Иркутске будет спокойнее, – не отвечая на прямой вопрос, уверила мудан. – Сюда скоро придут японцы.

При этих словах шаманки тетушка Ли принялась истово креститься. Мирэ сдержалась, хоть правая рука и дернулась, а сердце прыгнуло в желудок. Японцы! Мужу никак нельзя здесь появляться! Разве дух шаманки об этом не знает? Мирэ хотелось задать духу много вопросов: где сейчас ее муж, когда он приедет, останутся ли они в городе или снова придется бежать, – но у нее на то не было права. Ей и так бесплатно открыли ответ на главный вопрос.

– Идите собираться! – велела шаманка, и тетушка Ли послушно поднялась и отправилась в кладовку.

Шаманка посмотрелась в зеркальце, шумно выдохнула и стала отмахивать от себя веером невидимого духа, направляя его в корзину, словно загоняла в клетку вырвавшуюся на свободу птичку. Справившись, прикрыла корзину платком, сложила веер и промокнула пот со лба. Потом поднялась, взяла в руки чашечку с соджу и, погружая в нее кисточку, стала брызгать по всем сторонам, обращаясь к духу Семи звезд⁵⁶ с молитвой о благополучии семьи Ли. Мирэ зачарованно следила за ее действиями.

– Со мной останешься, – повелительно произнесла шаманка. – Мою названую дочь⁵⁷ хунхузы похитили. А дух сказал мне, что ты отмечена знаком. Будешь помогать мне.

Мирэ оторопела. Выходит, дух может заглядывать не только в сундук, но и под одежду: он увидел родинку на ее плече, такую же, как у сказочной принцессы Пари. Значит, он и о крестах знает. В голове пронеслась тревожная мысль: неужели потребует снять? Но про кресты шаманка промолчала. Велела Мирэ взять в руки бутылку с остатками соджу и плоску с вареным рисом, сама воскурила можжевеловые палочки и пошла по дому камлать и делать подношения духам, чтобы они ее приняли за хозяйку. В прихожей помолилась покровителю дома, а также душам предков семьи Ли, в кухне – Човану, хранителю кухни, потом Коллипу, живущему под стрехой⁵⁸. Выйдя во двор, поклонилась духу местности, хранителю ворот, хозяину колодца дракону и закончила обращением к покровительнице отхожего места Чхыксин. Обращаясь к каждому духу, она называла свое имя – Танчон – и просила разрешения стать хозяйкой этого дома. Судя по довольному виду в конце церемонии, духи ее приняли. Хотела

⁵⁶ Семь звезд – созвездие Большой Медведицы.

⁵⁷ Шаманки обычно удочеряли девочек, которым передавали свое ремесло.

⁵⁸ Стреха – перекладина, поддерживающая кровлю дома.

бы Мирэ знать, сама ли шаманка взяла себе имя Танчон – «истинно красивая» – или получила его от родителей.

Гюн и Кеми появились в доме раньше, чем обычно. Выглядели побитыми, хоть ни синяков, ни ссадин Мирэ не заметила. Глаз не поднимали, смотрели в землю. Тетушка Ли, открывавшая ворота, и виду не подала, что знает причину их раннего появления, принялась участливо расспрашивать. Отвечали они уклончиво, но сообщили, что должны срочно уехать из города. А когда узнали, что в доме шаманка, воспряли духом и попросили погадать. Вскоре и их будущее было решено. Оставалось достать билеты на поезд.

Тетушке Ли не хотелось оставлять дом шаманке. Ведь если придется когда-нибудь продавать, а покупатель узнает, что в доме жила шаманка, он может и отказаться от сделки, боясь застрявших в нем духов. Но еще меньше тетушке Ли хотелось оставлять дом на попечение зятя – курильщика опиума: за шарик зелья во время ломки продаст и даже не вспомнит кому.

Чему тетушка Ли была рада – так это тому, что Мирэ остается в доме – она оказалась самым близким ей человеком. Только вот чем Мирэ будет питаться? Лошадь тетушка Ли продала еще в октябре: не было для нее корма на зиму. Свиней и кур перерезали тем же днем, мясо тетушка Ли продала перекупщику оптом за золотые николаевские рубли, запас чумизы обменяла на соболиные шкурки, кимчи отдала вместе с горшками за керенки⁵⁹. На эти керенки староста помог тетушке Ли купить билеты, пришлось, правда, добавить из накоплений.

– Убийц покойного хозяина он так и не отыскал, хоть и обещал, а свою вину загладил, добыв билеты, – вздохнула тетушка Ли, когда староста, пожелав доброго пути, ушел.

Мирэ же пребывала в полном смятении. Она молила мать Есу, а помог ей определиться с будущим дух из шаманской корзинки. Отец Басили предостерегал против шаманов, говорил, что они водятся с дьяволом, что все деяния их греховны, но ведь шаманы могут видеть будущее, а отец Басили не может. «Если все на свете сотворено по воле Бога-отца, то и шаманы, и всезнающие духи тоже», – убеждала себя Мирэ.

Перед самым отъездом тетушки Ли, помогая ей уминать одежду в сундуке, Мирэ спросила совета: признаваться ли отцу Басили в том, что теперь она прислуживает шаманке.

– Да ты и слов таких не знаешь, чтобы по-русски покаяться, – заметила тетушка Ли. – А по-корейски отец Басили не понимает. Не твоя вина, если он не узнает.

С этим рассуждением Мирэ согласилась. Покаяться же решила напрямую божественному отцу Есу – он-то понимает на всех языках, – но сначала вознесла благодарственную молитву Матери Марии. Ведь это она направила мудан в дом тетушки Ли. Одна беда – икон в доме теперь не будет. Что ж, станет молиться в церкви.

В день отъезда Мирэ хотела проводить хозяйку на вокзал, но Гюн и Кеми в один голос стали ее отговаривать. На вокзале солдат и беженцев как мух в выгребной яме – живой обратно не вернешься, в лучшем случае – очнешься за грязной занавеской в публичном доме на Миллионке, страшали они. Мирэ вспомнила свою вылазку в порт за углем и содрогнулась. Наверное, и в главную церковь тогда лучше не ходить, тоже ведь не близко. Можно молиться и в слободской.

Все устраивалось наилучшим образом.

С утра Мирэ бегала в слободскую церковь молиться, а потом целый день помогала шаманке по хозяйству: стирала, убирала, готовила. Старалась не думать о том, как низко пала: жена учителя, из семьи ремесленника, прислуживает женщине из подлого сословия⁶⁰. О том,

⁵⁹ Керенки (от фамилии министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского) – народное название денежных купюр в 1917–1919 годах.

⁶⁰ Шаманы, как и кисэн, принадлежали к самому низкому сословию в Корее.

как подметала двор у кисэн, никто не знал, да и случилось это лишь однажды и далеко отсюда. А о том, что в доме семейства Ли обосновалась шаманка Танчон и жена учителя Кима осталась при ней, знала вся Корейская слобода. И священнику Михаилу из корейцев, которого в слободе называли Микау, служившему в слободской церкви Святого Иннокентия, это тоже было наверняка известно. Но ему ничего объяснять не надо. Он и без слов все понял. Это русским все нужно выразить словами, а у корейцев есть нунчи⁶¹ – способность читать по глазам. Не было бы нунчи – не уцелеть бы Корее в тисках между Китаем и Японией. А Мирэ сейчас нужно выжить между карающим отступников небесным отцом Есу и всевидящими духами, дожидаться мужа – без него она, как лодка без паруса и весел, и главная ее задача – не пойти на дно.

Но если быть честной, при шаманке Танчон жить стало лучше и легче, чем при тетушке Ли. Весть о точности ее предсказаний гуляла по слободе кругами. Особенно когда прямо накануне нового, 1918 года от рождения Есу в порт вошел военный корабль под японским флагом, и флаг этот был размером с одеяло – чтобы даже подслеповатые не усомнились в его национальной принадлежности: теперь это не русский «Орел», захваченный тринадцать лет назад в Цусимском сражении⁶², а японский броненосец «Ивами». Корейскую слободу охватил страх, но Танчон уверяла, что японцы не осмелятся пока хозяйничать здесь, как в Корее. Обитатели слободы, что обратили внимание на слово «пока», искали возможность уехать, но это были в основном те, у кого не было российских паспортов. Те же, кто пустил здесь корни, считали, что подданным российского ли, советского ли государства ничего не грозит. Тем более когда через день после появления японцев в бухту вошел британский корабль.

Желающих узнать о своей судьбе в наступающем году Земляной Лошади в слободе было предостаточно, потому еда в доме не переводилась. И дрова тоже. А в такое тяжелое время о чем еще можно мечтать?

Танчон была родом из провинции Хамгёндо, как и семья Мирэ, но покидать родные места не собиралась. Многие из тех, кто по крайней голодной нужде оставлял землю своих предков, выкапывали из могил кости родителей и забирали с собой, сложив их в горшки для кимчи. А как уехать из родных мест шаманке, если в нее вселяется дух покойной бабушки, которую съел тигр-людоед? Ведь даже неизвестно, в какой чащобе лежат ее захороненные косточки. Тигр напал на бабушку – была она еще и не бабушкой, а вполне молодой женщиной, – когда та шла к колодцу за водой. Соседки видели, как тигр утащил добычу в горы, преследовать его побоялись. Так и осталась бабушка без могилы.

Танчон страшилась бабушкиного гнева. Когда в двенадцать лет у нее началась шаманская болезнь⁶³, Танчон воспротивилась было судьбе и отказалась слушать являвшуюся ей во снах бабушку, каждый раз затыкала уши. Оно и понятно: если ты не принадлежишь к шаманскому роду по рождению, переходить по доброй воле из категории честных людей в подлое сословие не захочется. Тогда бабушка пригрозила непокорной внучке: если та и дальше будет противиться, то умрет до замужества и станет духом отхожего места – незавидная судьба всех умерших незамужних девиц. К тому же бабушка показала свою силу – поведала внучке о грядущем приходе в деревню духа оспы и объяснила, как защититься от него.

Дух бабушки был могуч, а съевший бабушку тигр, видно, усилил его, – и Танчон не бедствовала. Не ходила по окрестным деревням с предложением своих услуг – люди сами текли к ней рекой. Приходили даже мужчины – предлагали себя в мужья-пансу. Но дух бабушки

⁶¹ Нунчи – наблюдательность, сообразительность, догадливость, умение быстро додумываться о потребностях и намерениях собеседника без слов, буквально – «на глаз» или «по глазам».

⁶² Цусимское сражение – последнее, решающее морское сражение Русско-японской войны 1904–1905 годов, в ходе которого русская эскадра была полностью разгромлена.

⁶³ Шаманская болезнь – процесс становления шамана, который сопровождается разнообразными симптомами, такими как галлюцинации, странные сны, физическое или психическое заболевание; различного рода недуги, которые заканчиваются, когда испытуемый дает согласие стать шаманом и проходит посвящение.

заводить мужа запретил, велел удочерить девочку, и Танчон купила себе десятилетнюю юницу у бедной крестьянской семьи.

Названная дочь оказалась шустрой и смышленной. Танчон хотела передать ей свое ремесло – но не судьба.

Все шло своим чередом, пока однажды в дом не пожаловал очкастый японец в белом мундире. Явился с переводчиком, сказал, что он ученый и изучает корейских шаманов. Добавил, что много про Танчон слышал и хочет присутствовать при обрядах. Разве Танчон могла сказать «нет» новой власти? Велела дочери принести лучший столик и подать угощение. Японец сел, но есть не стал, разложил листы, чернильницу и кисточку – записывать.

Духу бабушки инородный гость не понравился, и чернильница опрокинулась на записи, и даже мундир у очкастого испачкался. Японец извинился, встал, поклонился и вышел. Но на следующий день снова пришел. В чистом мундире, с чистыми листами и несколькими очиненными карандашами. Карандаши у него все время ломались, но ученый оказался упорным. На третий день пришел с глазастым черным ящиком. И только Танчон вызвала дух бабушки, как японец поджег какую-то штуку, шипевшую, как клубок змей, и излучавшую свет ста свечей, и начал чем-то шелкать, глядя в тыльную сторону ящика.

Дух бабушки оцепенел внутри Танчон и никак не хотел перемещаться из ее тела обратно в корзинку. А потом велел Танчон уезжать из родных мест в Ёнхэчжу – Морозную северную землю⁶⁴.

Духу нельзя перечить. Танчон собралась, забила ворота досками, взяла дочь и двух проводников-носильщиков и отправилась в путь. Чем хорошо быть шаманкой – на твой дом, кроме духов стихий, никто не позарится.

Путь через горы был неблизким и нелегким. Остаться незаметной и для корейских партизан, и для японских солдат, за партизанами гонявшихся, – задача непростая. Но Танчон справилась – держала всех четверых невидимыми для окружающих. Оплошала, когда оказались уже на русской территории, – не знала, что тут промышляют бандиты-хунхузы. Успела только себя скрыть из картины явленного мира. Магические предметы и корзинку, где обитал дух бабушки, она всегда носила сама и никому не давала к ним прикасаться, и они тоже уцелели. Проводников же хунхузы убили, а дочь и пожитки забрали с собой.

По наитию Танчон добралась до ближайшей деревни, оказавшейся корейской, хоть и называлась по-русски – название Танчон выговорить не могла. В деревне своей шаманки не было, а была лишь русская церковь, и все отцы семейств были крещеными, но это не помешало их женам просить шаманку исполнить обряды поминовения умерших и избавления от злых духов. Потом выяснилось, что шаманки не было не только в этой деревне, но и в соседних – и Танчон трудилась с утра до вечера, восстанавливая утраченную связь жителей с духами рода и устанавливая ее с духами местности.

Через несколько дней во двор фанзы, где ей дали приют, забросили через забор узлы с вещами, отобранными хунхузами. Но дочь не вернули, хотя гадание показывало, что она жива. Дух бабушки требовал, чтобы Танчон ехала в Хесамви⁶⁵, но Танчон медлила, надеясь получить назад и дочь. Однако прошел месяц, другой, холод сковал расхлябанные дороги, а о дочери не было никаких известий. И по первому снегу Танчон двинулась дальше, в Синханджон, Корейскую слободу Владивостока.

Мирэ иногда думала, что это Мать Мария устроила появление шаманки в доме Ли в ответ на ее молитвы. Ведь неисповедимы пути Господни, а тем более пути Богоматери. Мирэ почувствовала в Танчон вдруг обретенную всезнающую старшую сестру, которой у нее в настоящей жизни не было. Ни о чем своем Мирэ у Танчон не спрашивала, та сама время от времени выда-

⁶⁴ Ёнхэчжу (Морозная северная земля) – так исторически называли корейцы Приморье.

⁶⁵ Хесамви (Бухта морского трепанга) – так исторически называли корейцы Владивосток.

вала пророчества. Сказала главное: следующий ребенок у Мирэ будет мальчик, и родит она его в этот же год Земляной Лошади. Значит, мужа ждать осталось недолго. И Мирэ обрадовалась. Но через несколько дней Танчон словно ненароком обронила, что сын Мирэ награжден будет даром, но отец этот дар по достоинству не оценит и будет считать помехой. И Мирэ опечалилась. Теперь она молилась Богородице об одном: чтобы муж оценил неизвестный, но свыше данный дар ее будущего сына.

Учитель Ким объявился в конце месяца Дракона⁶⁶, когда коты уже наорались. Мирэ с трудом признала мужа, облаченного в черную кожаную куртку и высокую меховую шапку.

– Тансин⁶⁷, вы ли это? – только и воскликнула она, кланяясь.

– Неужели я так изменился? А тебя-то я сразу узнал! – учитель Ким засмеялся и, подцепив пальцем подбородок, поднял лицо жены, заглядывая ей в глаза.

Ногти его были совершенно желтыми, а руки пахли застарелым табаком. «Так значит, правда папиросы набивал», – пронеслось в голове Мирэ. Но мужнин жест смутил ее бесконечно, был оскорбителен для приличной женщины: словно учитель Ким сомневался в ее верности. Ей следовало потупить голову, но вдруг он решит, что она избегает его взгляда? И Мирэ с мольбой – так, как она смотрела на иконы Есу и Богородицы, – взглянула ему прямо в глаза. Этого он, похоже, не ожидал: видно, думал, что она продолжит играть предписанную ей вековыми правилами роль, и даже отпрянул от ее взгляда.

Женщина у него в разлуке была, тут же поняла Мирэ. И не какая-нибудь случайная кисэн. И не телом его привлекла. Не только телом. Тем, чего у Мирэ не было. Единомыслием. Наверно, в зрачках соперницы был тот же сумасшедший огонек, что иногда пугал Мирэ в глазах мужа. И они слились в один пожар. Сокрушающий. Мирэ так не умеет. Не чувствует. Не понимает. Боится пожара...

И тут ей пришло в голову, что революции устраивают необлаженные духи – входят в людей и движут ими. Может, и в ее мужа вошел дух? Да уж не снял ли он крест?

Мирэ скользнула рукой по груди мужа – крест был на месте. Слава вам, Господи! Муж понял ее движение по-своему. Схватил на руки, донес до кана и, не снимая шапки и скрипучей пахучей куртки, овладел ею. Мирэ тут же вспомнила о пророчестве Танчон и, ухватив подголовный валик, сунула его под крестец – пусть семя завяжется.

⁶⁶ Месяц Дракона – март.

⁶⁷ Тансин – взаимное обращение супругов у корейцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.